

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ВОЗВРАЩЕНИЕ-1

ВОЛОГДА

В октябре 1989 года мне наконец-то исполнилось 45 лет, - предельный возраст для службы в армии в звании подполковника, - за плечами остались 27 лет календарной выслуги, 16 из которых пришлось на службу в Туркестанском военном округе. И только последние 2 года на Вологодский гарнизон Ленинградского военного округа. Для меня увольнение в запас и переход к мирной гражданской жизни имели очень большое значение из-за далеко не располагающих к службе в армии особенностей моего характера, зависимого в первую очередь от наделённого меня Всевышним флегматическим темпераментом с присущим ему чисто внешним спокойствием и не самой быстрой реакцией в работе. Московской с детства избалованностью с её стремлением к комфорту, столичным привилегиям и развлечениям. И являло собой именно тот случай на моём жизненном пути, когда с гордостью можно было заявить во всеуслышание словами популярного киноактёра и певца Вахтанга Кикабидзе: «Мои года – моё богатство!». Нажатыми после честной и безупречной службы горбом и чистыми руками.

Скоро уже должны были подойти к концу ежедневные и унижительные как для офицера, так и человека, по несколько раз в день построения офицеров и прапорщиков полка для проверки наличия их на службе. Работы по обслуживанию техники артиллерийского дивизиона, заместителем командира которого я являлся по должности. Многочисленные проверки офицерами вышестоящих штабов всего вверенного мне хозяйства. А перед ними суета с нервотрёпкой и отнюдь не улыбочивые разговоры как с начальством, так и с подчинёнными. Тактические учения на морозе или в изнуряющую жару в поле с боевыми стрельбами из орудий дивизиона, когда необходимо было быть предельно внимательным и собранным с тяжёлой после нескольких бессонных ночей головой. И при этом нужно было следить, чтобы снаряды летели туда, куда нужно, и все участники учений, а также местные жители окрестных посёлков остались живыми и здоровыми. До чёртиков уже надоели бесконечные партсобrania и совещания, больше похожие на служебные разборки, разве что без мордобития, с нелицеприятными высказываниями из уст разного рода начальников и бессилия их подчинённых, чтобы таким же образом ответить. Командировки, наряды, ежемесячные строевые смотры, бытовая неустроенность и т.д. В общем, подходило к концу всё то, что самым непосредственным образом связано было с моей военно-учётной специальностью, профессией. А также и

с тем, что сопутствовало самой дешёвой армии мира, когда почти каждому её строевому офицеру приходится выполнять обязанности строителя, автомобилиста, связиста, ремонтника-универсала, политработника, психолога, юриста и обязанности других категорий специалистов, на содержание которых в армии у государства никогда не было средств. И уже как следствие всё это сопровождалось периодической отменой выходных и праздничных дней «на неопределённое время» с целью наведения порядка в подразделениях, при очередном строительстве какого-нибудь объекта на территории части или за её пределами. Или при подготовке какого-нибудь показательного занятия за полгода до этого занятия. Например, по обслуживанию и эксплуатации автомобильной техники дивизии для офицеров высшего состава армии с ожидаемым присутствием самого высокого армейского руководства. А значит с перспективой для продвижения по службе всего командования части, ответственного за проведение этого занятия с максимальной занятостью всего личного состава.

Не прибавляли оптимизма и баснословные штрафы «за ненадлежащее внимание к вверенной технике», и отнюдь не по суду, а по приказу командира дивизии или полка, из-за чего приходилось по несколько лет подряд ежемесячно приносить домой в семью только жалкие крохи от своего жалованья. Узаконенная командованием части и тоже на неопределённое время продолжительность работ до одного часа ночи с подъёмом в пять утра и при этом с установленной формой одежды в кителях, сапогах и при ремнях с портупеями в 40-градусную жару.

Приходилось сталкиваться и с многими другими проявлениями межофицерских служебных взаимоотношений, вызванных безропотностью младших по должности и по званию, но стремящихся к продвижению по службе, перед старшими, от которых напрямую зависело это продвижение. И приказы которых далёкому от армии, но образованному и вкусившему плоды просвещения человеку, могли показаться странными и даже дикими. Всё это порождало осознание своего униженного положения в обществе, постоянный дискомфорт и чувство неуверенности в завтрашнем дне.

Впрочем, что ещё можно было ожидать от одной из самых низкооплачиваемых за тяжёлый армейский труд армии мира, в которой значительная часть молодых офицеров должна была служить против своего желания, разочаровавшись сразу же после окончания военных училищ в выбранной опрометчиво профессии, на 25 лет закабалив себя на крепостную несвободу. Вынужденно выдавая себя при этом ярким сторонником коммунистической идеологии, делу ленинской партии, активным строителем коммунизма в СССР и защитником её социалистических завоеваний.

Находясь в готовности по приказу руководства страны и своих начальников выступить для поддержки и закрепления социалистической революции в какой-нибудь Богом забытой азиатской, латиноамериканской или африканской стране в случае провозглашения её руководством ориентации на социалистические ценности. С возможным в то же время военным

противодействием армиям стран империализма. Чтобы тем самым превратится в своего рода ангелов Страны Советов при гаубицах и автоматах, свалившихся прямо с неба на военных транспортных самолётах в джунгли или пустыни какого-нибудь захолустья, чтобы навсегда покончить с излишним благополучием его жителей в интересах каких-нибудь авантюристов, захвативших власть в самой России. Или, цитируя слова Всесоюзного старосты М.И. Калинина, быть «критиком с винтовкой в руках, готовым к беспрекословному выполнению любых приказов партии».

Приходилось многое терпеть в армии. Но и многое не поддавалось никакому объяснению с точки зрения здравого смысла. Например, как можно было объяснить такие явления на местах, когда офицер или кто-то из членов его семьи, перенёсших несколько приступов гепатита, тифа, дизентерии или другой какой заразы, богатой своим разнообразием в южных районах страны, где я совсем недавно служил, не мог замениться в другой округ. Хотя бы с более щадящим климатом. Почему «не было оснований для замены» у офицеров, перенёсших несколько инфарктов или инсультов? И таких «почему» у меня за время моей службы в ТуркВО скопилось очень много.

Во время моей службы в 1985-88 годах на полюсе жары Советского Союза, в Термезе Узбекской ССР, к нам в 367-й учебный мотострелковый полк прибыл из Афганистана майор Т., прослуживший в 40-й армии всего полгода вместо 2-х лет. Надо пояснить, что 40-я действующая армия – единственное оперативное объединение в ТуркВО, где со дня ввода войск в Афганистан был установлен 2-хлетний срок службы для офицеров и прапорщиков с двукратным увеличением стажа пребывания в этой горячей точке. И этот Т., являясь по должности командиром батальона, сидя на люке БМП, вёл колонну. Наехали на фугас, БМП опрокинулся, и он оказался придавленным бронёй. Но выжил, лишившись трёх рёбер, селезёнки и одной трети печени. Ему вручили орден «Красной Звезды» и под звуки фанфар «в связи с тяжёлым ранением» отправили служить не в какой-нибудь центральный округ или в европейскую загранку. Хотя он вряд ли вообще после такого тяжёлого ранения был пригоден к дальнейшей службе. А к нам в Термез, где свирепствовали все мыслимые и немыслимые заразные болезни, самым разрушительным образом из-за жары и антисанитарии действовавшие не только на больную, но и на здоровую печень.

И таких примеров было много. Невозможно сегодня подсчитать, сколько мне пришлось хоронить молодых, в расцвете лет и сил товарищей по службе и в основном из-за несовместимости состояния их здоровья с жарким климатом Средней Азии!

Только за несколько лет до окончательного вывода советских войск из Афганистана что-то со скрипом стало меняться к лучшему. Сначала отдельные гарнизоны ТуркВО перешли на 5-летний срок службы для офицеров, которые также стали получать и 15-процентную надбавку к должностному окладу. Так называемые «пылевые», отменённые в середине

70-х годов. А с 1988 года эти восстановленные льготы коснулись уже всех гарнизонов округа. Но, по-моему, слишком поздно. Армия вместе со страной развалились окончательно и все эти полумеры уже не смогли сдержать её разбегания и деления по национальным квартирам. Жизнь, как всегда, с её проблемами, не терпящими отлагательства и волокиты при их решении, оказалась мудрее чиновников. И, если в советские времена существовали самые бесправные и униженные существа на свете, то это, конечно же, советские офицеры с их безропотностью и терпеливостью, большая часть энергии которых уходила на то, чтобы просто выжить. А, учитывая многонациональный характер всей нашей армии можно предположить, что все эти трудности в службе создавались, в том числе и умышленно, озлобляя людей и настраивая их на развал армии.

Поэтому я безмерно благодарен судьбе за свой выбор в пользу долголетней службы Отечеству с её «прелестями» провинциальной гарнизонной жизни, тревогами, разочарованиями и печалью, ибо жить без ярких воспоминаний было бы не интересно. Мне действительно есть что вспомнить и о чём порассуждать, ибо вся моя 27-летняя служба проходила перед самым закатом СССР с его проблемами и уроками на будущее. Когда из-за тупика, в котором оказалась страна под «мудрым руководством» её вождей, настроение людей стало меняться с благодушного на рациональное. А на гребне экстрима с его лихорадочным поиском выхода из трудной ситуации, как известно, происходят все великие открытия и деяния, приведшие Россию в 1991 году к великой революции.

Сегодня мне говорят, что положение дел с правами офицеров в современной Российской Армии значительно улучшилось. Можно уволиться по собственному желанию из армии, даже сразу же после окончания военного училища. Можно подать в суд исковое заявление на своих командиров или начальников для обжалования каких-либо незаконных с точки зрения офицера действий с их стороны. Нет уже баснословных штрафов за разворованную не по вине офицера технику. Зато усугубились старые проблемы, связанные с увеличением дезертирства солдат и даже молодых офицеров из армии, бытовой неустроенностью, низкой оплатой армейского труда, вещевого снабжения и др.

Хоть и трудным делом оказалось служение Родине, от обязательств которой уже невозможно было отказаться в молодые годы после окончания военного училища, - военное законодательство той поры не предусматривало увольнение офицера из армии по собственному желанию или желанию его командиров и начальников раньше установленных сроков службы. За исключением отдельных случаев: по болезни, когда жить уже осталось совсем ничего, за дискредитацию офицерского звания (по этой статье практически невозможно было уволиться в молодом возрасте), по сокращению штатов (мне только в конце своей службы пришлось столкнуться с таким явлением в армии). Но ещё труднее оказалось возвратиться на родину, где родился и вырос, и откуда имел неосторожность

через военкомат связать свою судьбу с офицерской службой. В моём конкретном случае в Москву, откуда я в 1963 году был направлен военкоматом по своему заявлению сдавать вступительные экзамены в Коломенское ордена Ленина Краснознамённое артиллерийское училище. Успешно сдал эти экзамены и вот теперь после почти 27 лет безупречной службы поставлен перед фактом о невозможности возвращения в столицу, в закрытый для прописки город. О чём поведали мне также средства массовой информации в последние 2 года моей офицерщины. А началось всё, по-моему, со статьи в газете «Красная Звезда» за май 1988 года. В которой говорилось о том, что ни в одной стране, Африки нет такого сурового наказания офицера, отдавшего все свои лучшие годы служению своей стране и защите её интересов. И не имеющего после службы права на возвращение в свой родной город. И это же самое положение почему-то не распространялось на преступников, отсидевших длительные сроки за различные правонарушения, эмигрантов из цивилизованных стран и других категорий людей из различных слоёв общества (слава Богу, что уже не из классов, где привилегированная роль отводилась лишь пролетариату). Уже после этой статьи в телепередаче «Служу Советскому Союзу» показали уволенного в запас генерала с должности командующего ракетными войсками и артиллерией Уральского военного округа, которому официально было отказано вернуться в родное Подмосковье с семьёй к матери, которая даже согласна была прописать и обеспечить жильём всех членов его семьи. Оказалось, что Закон был не на стороне этого генерала, сделавшего даже неплохую карьеру в армии. И тошно было смотреть по ТВ почти сразу же после этой передачи, как в Кремле сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачёв целовался с «униженным и оскорблённым» в США безработным Маури, которому якобы негде было жить и работать в Нью-Йорке. Всё это несколько лет спустя оказалось дезинформационной уткой и ловким пропагандистским трюком времён холодной войны, в ответ на утверждения западных СМИ о несоблюдении прав человека в СССР. А тогда я недоумевал, почему наш глава государства, вместо безработного американца, не может принять в Кремле своего советского генерала, которому не нашлось места на его Родине, которой он верой и правдой служил долгие годы. Угораздило же меня родиться в Москве, закрытом для прописки городе, хотя при поступлении в военное училище меня никто не предупреждал и тем более никаких обязательств о добровольном отказе от московской прописки я не оформлял. При этом иногородние офицеры и прапорщики, служившие в Московском гарнизоне, получали и получают прописку и квартиры. Уж не отсюда ли росли ноги? Ведь все эти новоявленные москвичи служили, в том числе и в центральном аппарате Минобороны. И в случае наплыва всех москвичей, отслуживших службу, с их семьями могло поставить под сомнение их право на московскую прописку. Ещё в мае 1988 года, когда я только прибыл из Термеза ТуркВО в штаб Ленинградского военного округа, располагавшийся в то время в Северной

столице напротив Эрмитажа, я обратил внимание на вывешенные в штабе на многочисленных стендах одни и те же выписки из приказа Командующего Ленинградского военного округа. В них сообщалось (привожу по памяти), что «правом на возвращение в Москву, Ленинград, Киев. В районы и области этих городов, а также Крым. А также в города и посёлки курортного черноморского побережья Кавказа пользуются только те офицеры, направленные через военкоматы из этих мест для поступления в военные училища, у которых срок офицерской службы закончился за границей, в районах Крайнего Севера, либо в районах, приравненных к ним (Основание: Постановление СМ СССР №585 от 25.06.1964 г»).

Как вскоре я узнал, Вологда, в которую я был направлен, к этой льготной категории не относилась. Возвращаться же после службы назад в Самарканд, где жила моя семья и имелась квартира, не было никакого смысла. Ибо ничего общего, кроме службы, меня с этим знаменитым на весь мир узбекским городом не связывало. Не хотелось и становиться в очередь на получение жилья в другом каком-либо городе, открытом для прописки. В том числе и в Вологде. Уж слишком в ней было всё провинциально и безалаберно. Не зря он до 1917 года являлся местом ссылки всех революционеров и где в одном из его многочисленных деревянных домов жил какое-то время ссыльный И.В.Сталин.

Судя по книгам в продаже и пустым прилавкам магазинов, за прошедшие 70 лет в Вологде и области, если что и изменилось, то только в худшую сторону. Возникли проблемы по вопросам обеспечения товарами первой необходимости. В продовольственных магазинах в лучшем случае можно было встретить в продаже только плавленый сырок «Дружба» по 14 копеек за штуку, кур, хлеб и многочисленные 3-хлитровые баллоны с разного рода соленьями и соками с сомнительным цветом и покрытых сверху толстым слоем пыли.

Случались частые перебои с подачей питьевой воды из-за не созданного до сих пор загородного водохранилища и заржавевшей всей водопроводной системы, построенной ещё в 30-х годах прошлого столетия. Из-за чего вологжанам часто приходилось брать воду прямо из реки Вологды или выстаивать длинные очереди у артезианских колонок.

В промтоварных магазинах вся одежда почему-то продавалась только до 54 размера, обувь до 42-го. И всё такого качества, что не покупалось годами. В пошивочных ателье – никакой материи на заказ и неизвестно, почему все они ещё не закрыты за ненадобностью, если и в городе невозможно купить отрез на костюм, брюки или платье для женщин. Но при этом все жители города прилично одеты, обуты и достаточно упитаны.

Впрочем, и в Москве дело обстояло не лучшим образом, и там люди выходили как-то из положения. В сильные зимние морозы москвичи носили на головах меховые зимние шапки в то время, когда в продаже их нигде не было. Не было совершенно в продаже электрических лампочек, а квартиры во всех домах по вечерам светились разными цветами. Многие жители, в том

числе и пережившие войну 1941-45 годов, довольствуясь малым, благодарили судьбу, что нет до сих пор разрушительной и ужасной войны, какую пришлось пережить им 45-50 лет назад. Не было и в помине выражения какого-либо недовольства ростом дефицита на товары, и даже исчезновения его из продажи. Смотрели все как на само собой разумеющееся и даже необходимое в советской стране, все силы которой шли на укрепление своего отечества и его союзников обороноспособности перед «звериным оскалом империалистических хищников, готовых в любой момент напасть на нашу страну победившего социализма». И, свято веря ленинским заветам, каждый год ко дню рождения Ильича ставили в центре Вологды через каждые 50 метров «вечно живого Ильича» в бронзе, в камне, в гипсе. В виде бюста или памятника. В натуральную величину и в уменьшенном или увеличенном виде. С указывающей поднятой рукой во все стороны горизонта и в промежуточные их стороны. С руками в карманах, за спину, на груди и во всевозможных позах в зависимости от фантазии, воображения или какого-то скрытого смысла, известного только создателю этого творения. При этом у неискушённого иностранца могло создаться впечатление, что Ленин либо родился в Вологде, либо на протяжении значительной части своей жизни руководил из неё всей страной. А ведь он ни одного дня не был в этом городе.

И вокруг всех этих «шедевров» висели подстать памятникам и плакаты с призывами 50-х годов: «Крепить оборонное могущество страны», «Ударным трудом – в коммунистическое завтра», «Да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества», «Ленина гений – в делах поколений» и т.д. Как говорится, «где дыры, латы, висят лозунги и плакаты». Скучно не было, когда я в выходные дни или в патруле бродил по центру, любясь этой наглядной советской казуистикой с подтверждением кем-то сказанных слов: «Всё, кроме некролога, - пиар!». Пиар Ленину с его учением, приведшим нас к разбитому корыту. Пиар и тем, по чьему приказу воздвигнуты все эти мавзолейные копии «командору», приглашающего всех нас вместе с плакатами в неизвестность. За своё усердие в деле увековечивания памяти вождя квадратно-гнездовым способом они успели отхватить у государства гонорары, спецпайки, должности, звания и награды.

Впрочем, и любимая мной Москва недалеко ушла в этом деле оболванивания масс. Просто, масштаб другой и удельный вес всех этих истуканов на квадратный километр намного ниже, и поэтому все они не так заметны. А ведь до революции Вологда славилась не скульптурами идолам, а своими ремёслами и промыслами, текстилем, знаменитым вологодским маслом, стеклом, древесиной, кружевами и другими товарами. Как каждый российский город славился своими, присущими только ему брендами. Я уже не говорю о рыбе, икре, пушнине и знаменитом мёде, о которых в годы моей службы можно было только мечтать. Несмотря на самые богатые в мире в нашей стране, длинные и глубокие реки и озёра с их самыми икрлистыми в мире рыбами и раками;

многочисленными морями с тремя омывающими нашу страну океанами с их самыми жирными в мире китами, моржами и дельфинами; дремучими лесами с их самыми многочисленными в мире косолапыми медведями, самыми серыми волками и разнообразной дичью; душистыми лугами, сладкими ягодами и мясистыми грибами; плодородными землями с их самыми налитыми колосьями пшеницы и богатыми на урожай огородами.

И вопреки всем этим природным богатствам на прилавках магазинов можно было увидеть всё самое уродливое, почти несъедобное и никому не нужное. Где сегодня плоды или результаты этих всех «самых». А именно биологического изобилия одной шестой части земной суши планеты с самыми большими запасами пресной воды и чернозёма? Неиссякаемого уникального мирового заповедника, каковым являлась на протяжении многих столетий Россия с её несметными подземными и наземными богатствами?

Правда, знаменитые вологодские кружева я как-то встретил в продаже, но за валютные, большие деньги. А многочисленные баллоны с просроченными сроками годности соленьями и соками в магазинах города не могли никак заменить дореволюционные купеческие прилавки с их кулебяками, балыками, икрой, раковыми супами с расстегаями, гурьевской кашей, пожарскими котлетами. Запивая все эти обыденные в то время блюда индийским чаем под хруст на зубах французских или филипповских булок с изюмом, миндалём в сахаре или тульскими печатными пряниками, леденцами «монпансье» в металлической коробке, зефирами разных сортов, тянучками и пастилой;

восточными сладостями с их косхалвой, козинаками, шербетом, рахат-лукумом и др., при покупке которых я ещё в 50-х - 60-х годах в Москве не испытывал никаких проблем;

с прохладительными и всевозможными горячительными напитками. А не с бормотухой одного - двух сортов, пользующихся у выпивох популярностью из-за её дешевизны, от чего страдают в первую очередь их желудки и печени. В то время, когда себестоимость одной бутылки водки, менее вредного для организма напитка, обходилась государству в 7 копеек. Продавался же до недавнего времени этот чисто «русский напиток» по 7 рублей за бутылку. Теперь и самый дешёвый портвейн, которым «впору было красить заборы в садах и огородах» невозможно купить. А ироническая прибаутка «не теряйте время даром – похмеляйтесь «солнцедаром» воспринималась тогда, как из далёкого славного прошлого, когда не было никаких проблем с опохмелкой. Теперь же приходилось довольствоваться в лучшем случае брагой домашнего приготовления из с трудом найденного где-то в продаже сахара. В худшем – какой-нибудь спиртосодержащей жидкостью, похищенной с химического завода.

Куда исчезло всё, чем испокон веков славилась Русская Земля. О чём с таким аппетитом в своих рассказах поведал писатель Гиляровский, и рассказы

которого в то время невозможно было найти ни в одном магазине не только Вологды, но и Москвы и других городов страны. Наравне с произведениями Толстого Л.Н., Чехова А.П., Шолохова М.А., Пушкина А.С., Лермонтова М.Ю., Маяковского В.В. и других классиков российской и советской литературы. В стране с тотальным дефицитом, где деньги как платёжное средство почти потеряли своё значение (россияне долго с тех пор рубли называли «капустой») товары стали играть главную роль при взаимных расчётах за пределами магазинов. Водка превратилась в «жидкую валюту», книги – в «сухую», изделия из хрусталя – в «звонкую». Рубли имели хождение вместе с номерками на руках, которые ставили шариковой ручкой выбранные в очереди старшие при ежедневных отчислениях в ней за какой-нибудь дефицитной продукцией: джинсами, женскими сапожками, туфлями, пальто, сахаром, мукой и за другими товарами. И эти номерки на руках тоже можно было обменять на что-то другое.

Нет, не зря последний президент Чехословакии Вацлав Гавел назвал Советский Союз Абсурдистаном. Отпустив в свободное плавание родственную по языку и культуре славянскую Словакию, он уменьшил всю страну более чем в два раза. Поодиночке легче развиваться в мире жёсткой конкуренции и многополярности мира. Поэтому не советским завоевателям, а освободителям из азиатского диктата нужно ставить памятники на каждом шагу. Этот диктат выражался в насильственной депортации из мест постоянного проживания народов в 30-х – 40-х годах прошлого века: крымских татар, поволжских немцев, прибалтов, корейцев, ингушей, чеченцев, причерноморских греков и др. в районы Сибири, Крайнего Севера и Севера Казахстана. В приказном порядке отправляли на постоянное жительство столичных артистов в провинцию под предлогом «Искусство – в массы», не спрашивая желание военных – в провинциальные дыры с незначительными льготами и жалкими прибавками к денежному довольствию. То же самое проделывали с выпускниками ВУЗов и др. Всё советское искусство, кино и театр 50-х – 60-х годов работали на романтику освоения новых территорий и преодоление трудностей на пути строительства новых городов и новых совхозов. Слава Богу, хоть нет теперь этого командного беспредела, но рецидивы от прошедшей тасовки в колоде карт народов и простых людей дают до сих пор о себе знать.

Церквей в Вологде много, но все они в таком запустении, что дальше некуда и обидно за всю великую культуру и историю России и за город, ровесницу Москвы, в который Иван Грозный одно время даже помышлял перенести столицу Руси. Одним только туристическим бизнесом могла бы жить Вологда, если по-деловому отнестись к этому делу, построив сеть гостиниц, кемпингов, ресторанов, кафе. Приведя в порядок все памятники архитектуры и истории православной Руси с её уникальными деревянными и каменными храмами, которые всегда вызывали и вызывают интерес у любителей истории, в том числе и из-за рубежа.

Ведь Вологда и Вологодчина родина таких выдающихся людей, как мой любимый бытописатель Москвы В.А. Гиляровский, поэт и друг А.С. Пушкина К.Н. Батюшков. Знаменитый поэт Н.М.Рубцов всё своё творчество посвятил полюбившейся ему Вологде. Горжусь в прошлом своей дружбой с московской поэтессой и писательницей, родившейся и выросшей в Вологде Валей Боровицкой. А знаменитые строки из известной песни «Родина» вологжанина Феодосия Савинова (1865 – 1915)

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это – русское раздолье,
Это – русская земля!...

пели Сергей Лемешев и Иван Козловский. В 1960 – 70-е эта песня часто звучала по радио.

Авиаконструктор С.В. Ильюшин, Герой ВОВ маршал И.С. Конев, космонавт П.И. Беляев, командарм К.А. Авксентьевский, кинорежиссёры Васильевы, создавшие в кино хрестоматийный образ Чапаева. Так полюбившийся образ людям моего поколения, что когда мы, мальчишки, 50-х – 60-х годов, не пропуская ни одного показа этого фильма в близлежащих от дома кинотеатрах, шли на очередной сеанс, очень надеясь, что Василий Иванович всё-таки выплывет в конце фильма.

И другие мэтры от политики и искусства своим талантом и трудолюбием внесшие достойный вклад в культуру и историю нашей великой страны, прославив её на века.

Военный госпиталь, в котором я недавно лежал на обследовании перед увольнением в запас, и где мне врачи выявили целый букет сердечных и иных болезней, из-за которых в моей медицинской книжке появилась резолюция военно-врачебной комиссии: «Для службы в армии в мирное время по состоянию здоровья не годен, ограниченно годен в военное время», - представлял из себя довольно унылое зрелище. С водой, даже с холодной, проблема. В туалетах постоянная несмываемая фекалийная грязь, которую не успевали смывать солдаты-санитары из ведра. В палатах лежали по 6 – 7 человек больных. А ведь мне теперь часто придётся обращаться за помощью к врачам и, возможно, к госпитальному обслуживанию для подлечивания изношенного службой организма. Безрадостную картину госпитальной зарисовки того времени можно дополнить спускающимися на верёвках из окон солдатских палат до самой земли коробок с письменными просьбами к прохожим помочь деньгами, либо куревом. В магазинах всей страны из продажи почти полностью исчезли табачные изделия.

Солдаты не стесняясь уже, стали подходить к прохожим и просить деньги на хлеб, сигареты или дешёвые конфеты, типа соевых батончиков с керосиновым запахом, продававшихся в то время в изобилии в кондитерских

отделах магазинов. Я однажды попил чая с несколькими такими батончиками, и у меня потом целый день кружилась голова, и подташнивало. Пригороды Вологды – это череда заброшенных и безлюдных селений с заколоченными крест - накрест дверями и окнами, в которых никто почти не жил. Разве что какие-нибудь никому не нужные, Богом и внуками забытые старички, которым просто некуда податься. Такое впечатление – будто по всей Вологодчине прошёлся со всем своим войском Мамай и уничтожил всё живое. Зато дачи в ближайших окрестностях городов стояли очень даже дёшево. Можно было отхватить приличный участок земли с домом и постройками всего за 400 – 500 рублей, можно было и бесплатно заселиться в какой-нибудь заброшенный дом.

Глядя на всю эту унылую картину невольно приходили на ум перефразированные слова великого русского писателя Гоголя: «В России две беды – дураки и они же ещё указывающие дороги».

Неужели вся беда Советского Союза и современной России в чрезмерной их государственности, когда власть ничего не даёт, а только запрещает не в пример западной демократии, опирающейся в основе своей на инициативу каждого жителя страны? Но в таких же, как и в СССР, насквозь бюрократизированных ГДР, Чехословакии, Венгрии и Польше люди живут намного лучше, чем в нашей стране. Да и во всех почти союзных республиках жители центральных городов ещё совсем недавно могли дать фору любому провинциальному российскому городу в уровне жизни. Значит ли это, что всё это советское разноязыкое «вавилонское столпотворение», существующее на честном слове и разбазаривании природных богатств давно пора отправить на свалку истории?

Главное богатство Вологодчины – это девушки и женщины.

Дородные и стройные, курносые и не очень. Все по-славянски красивы и женственны, округлы, белы и румяны. Со вкусом одеты, по - северному трудолюбивы и неприхотливы в быту. При разговоре окажут с неподражаемой растяжкой слов. Встречались прямо писанные красавицы, будто сошедшие с полотна Венецианова, Кустодиева, Маковского или других русских художников. Не подозревавшие даже, какие они, по словам, относящимся ко всем советским женщинам, знаменитой на весь мир кинодивы Софи Лорен, «счастливые, ибо даже не подозревают, как они несчастны!».

И никуда не деться - заработал уже, как говорят демографы, всемирный национальный котёл и в Вологде. Недалеко от военного городка жили, судя по всему, брат и сестра лет 14 – 15 с негроидными чертами лица и тёмным цветом кожи. Их часто можно было увидеть либо в магазине, либо на пляже недалеко от части, либо на улицах города. Наверное, они были единственной парой на всю Вологодскую область с тёмным цветом кожи, потому что больше мне не встречались похожие на них горожане. И, наверное, своими именами войдут в историю Вологды как первый результат смешанных, близких отношений кого-то из её жителей с представителем Чёрного континента. Как вошёл в историю Москвы первый, наверное, в СССР негр,

сыгравший в советском кинофильме 30-х годов «Пятнадцатилетний капитан» роль моряка Геркулеса, Вейланд Родд. Если не считать предка великого русского поэта А.С. Пушкина арапа Ганнибала. Теперь же на улицах Москвы негры – повседневная реальность после «хрущёвской оттепели» и Фестиваля молодёжи и студентов в 1957 году. В Вологде же те девочка и мальчик конца 80-х годов, наверное, были первыми и пока единственными с тёмным цветом кожи.

На улицах Вологды очень часто встречались вьетнамцы. В основном, на вокзале и рынках с тюками, свёртками и мешками с различным товаром, большей частью купленным в Москве по каким-то тайным каналам и выгодно реализуемым в Вологде. Продавцами на рынке можно было увидеть и «лица кавказской национальности». И всё это обнадёживало и радовало, что люди наконец-то стали налаживать цивилизованный рынок. Пусть подчас не без криминала и крышевания, – «лиха беда начало». Когда каждые представители той или иной национальности стали привносить в российские города чисто своё национальное для более тесного общения, взаимной выгоды и понимания между людьми и народами. Рынки существовали и в советское время, но их масштабы были другие и назывались они базарами, которые, конечно же, не могли поменять социализм на цивилизованный капитализм. Значит, не всё ещё было потеряно, и появился реальный, а не идеологизированный шанс к взаимному достатку и развитию через сотрудничество и торговлю.

В 2006 году я специально съездил на один день в Вологду из Москвы, чтобы своими глазами увидеть изменения в городе, произошедшие за 16 лет после моего отъезда. Облик города с его деревянно-каменной архитектурой жилых домов не претерпел никаких изменений. Разве что больше стало почерневших от пожаров изб и лежащих в обугленных руинах остатков от дома. Не увидел я, к сожалению, и деревянной избы на улице Чернышевского, что напротив кинотеатра «Родина», в которой жил писатель Гиляровский. Из памятников Ленину в центре города осталось только 3 – 4. Нет уже на стенах домов призывных плакатов в духе «раннего социализма». В магазинах оживление в торговле и обилие ассортимента товаров, промышленных и продуктовых. На центральной площади бойко работал рынок с сельхозпродукцией. Многие исторические здания стояли на реконструкции, в лесах, благодаря чему по опыту таких работ в Москве, можно было уже надеяться, что лет через 10 – 15 эти здания наконец-то возможно будут радовать глаз своим внешним историческим обликом. А это уже хорошо. Но проблемы остались. Из разговора с одним офицером запаса я понял, что по-прежнему не хватает жилья, питьевой воды, нет работы для молодёжи. Мало желающих работать на селе. Многочисленные церкви имеют такой же, как и 20 лет назад, неприглядный вид и т.д. Но нет худа без добра. Может быть, даже и хорошо, что центр города почти не изменил свой облик за последние 100 лет, поэтому надолго хватит натуры кинорежиссёрам для съёмок городских сцен конца 19 – начала 20 века для своих фильмов. А

художникам не надо ломать голову и дорисовывать по архивным фотографиям и рисункам детали канувшего в лету зданий прошлого. Не надо и под стеклянный колпак, как в Японии, заключать какое-нибудь чудом сохранившееся село 18 – 19 веков для того, чтобы люди не забывали старинный облик своих родных деревенских пенатов и всех их немудрёных построек с жилыми избами, колодцами, овинами, сараями, отхожими местами и т.д.

Мне даже удалось пройти по территории бывшего мотострелкового полка в Красных казармах на улице Чернышевского, в котором я служил. С внутренней стороны КПП у ворот возле собачьей будки на привязи сидела дворняга несколько раз лениво твякнувшая в мою сторону, и я беспрепятственно прошёл на территорию. Этот полк, как и всю 69-ю мотострелковую Севскую дважды Краснознамённую орденов Суворова и Кутузова дивизию, в 1995 году расформировали. И теперь все её казармы и хранилища стояли пустыми и безлюдными. И всё же не проходило такое ощущение, что вот-вот солдаты выйдут из них на построение на улицу для следования в столовую или на работы. Все постройки сохранились со времён моей службы. Тот же танк ИС-3 на постаменте, тот же разрушающийся памятник воину-освободителю с переломленным надвое автоматом. В кухне здания общежития, стояли те же самые электроплиты, на которых я жарил яичницу с хлебом и кипятил воду. Комната, в которой я жил в гордом одиночестве, предоставленная мне по благу завобщежитием (красивой хохлушкой, забыл, к сожалению, её имя) оказалась запертой. Из одной комнаты раздавались голоса. Видимо, рабочих, потому что внутренние помещения находились в ремонте и были заставлены банками с красками, белилами, стремянками и другим имуществом. А внешний вид зданий создавал впечатление, что я только на несколько дней покинул свою родную часть и вернулся в неё сразу же после какого-то повального мора. По этому городку-призраку бродил я, фотографируя всё подряд, до тех пор, пока вдруг словно из - под земли не вырос какой-то мужик с сенокосилкой в руках и не прогнал меня.

Насколько мне было известно, эти Красные казармы стоят в Вологде с конца 19 века, и было бы очень обидно, если бы они исчезли как памятник архитектуры и истории. У меня есть предположение, что в середине 20-х годов в них или на набережной Шестой армии в штабе дивизии в должности начальника штаба 10 стрелковой дивизии служил мой отец Ф.Р. Балтушис-Жемайтис.

Возвращаясь из будущего своих воспоминаний и размышляя о нём, мне оставаться в Вологде после службы никак не хотелось, и нужно было думать, как вопреки всему вернуться на родину и получить свои законные 12 метров жилья на каждого члена семьи под московским небом. Чтобы остаток своих лет провести в уюте и покое на довольно приличную по советским меркам подполковничью пенсию.

То, что в оказавшемся трудном положении был виноват только я один, у меня не было никаких сомнений – не надо было после окончания средней школы связываться с Советской Армией. Романтики захотелось в 18 лет! Вот и думай теперь, как в обход всех приказов Минобороны и московских градоначальников вернуться на родину, служению которой отдал лучшие годы своей жизни. В 45 лет «как у латыша – только х... да душа», да ещё проблемы со здоровьем и с жильём. Приходилось теперь завидовать всем своим родственникам и друзьям – одноклассникам, оказавшимся гораздо умнее меня 27 лет назад и не последовавшим моему примеру связывать свою судьбу с армией. Кроме благоустроенных квартир, в которых они жили с самого рождения, дач, машин, да ещё доставшихся по наследству в центре и на окраине столицы, они почти все живут теперь очень даже хорошо. В общем, надо было что-то предпринимать, не завидовать другим и не ругать неудачно сложившуюся жизнь, т.е. «не пилить опилки». К тому же на вопрос «что делать?» после того, как я уже разобрался «кто виноват», у меня имелись три варианта ответов.

1. Отдаться на волю судьбы и выехать в какой-нибудь открытый для прописки город, где встать на учёт и ждать получение квартиры лет 5 – 10, а то и больше. Ибо везде в стране строительство жилья, кроме Москвы, шло черепашьими темпами, и можно было вообще не дожидаться его получения при жизни. То же самое относилось и к Вологде. В которой я в лучшем случае мог рассчитывать на двухкомнатную квартиру в какой-нибудь хрущёбе на окраине города. С насквозь проржавевшей арматурой в стенах, протекающей с самого потолка крыши и всеми удобствами во дворе. Этот вариант сразу же отпадал как мало перспективный и обидный за мою долголетнюю службу.

2. При оформлении документов на увольнение категорически отказаться от направления куда бы то ни было, кроме Москвы. Но тогда могли возникнуть определённые трудности во взаимоотношении с начальством, на стороне которых Закон и весь его бюрократический аппарат, включая и Исполком Моссовета. К тому же прецеденты такого непослушания в моей биографии уже имели место. Как-то в Самарканде, возмущённый непосильными штрафами за обворованную солдатами и прапорщиками автомобильную технику своего дивизиона кадра. Когда известны были все воров, выносившие из части на продажу или обмен на спиртное в соседние кишлаки предметы навесного автомобильного оборудования, военной экипировки и обмундирования, похищенного со складов и хранилищ. И когда никаких серьёзных мер в отношении всех этих грабителей командованием полка и дивизии в целях не портить показатели по дисциплине перед вышестоящим начальством не предпринималось, что порождало ещё большую безнаказанность в солдатской среде и множило в

геометрической прогрессии случаи воровства. Я, отчаявшись решить свой вопрос внутри части, обратился в военную прокуратуру гарнизона с просьбой проверить с точки зрения закона все удержания с моего денежного довольствия. Достойные только самых матёрых грабителей - рецидивистов и расхитителей социалистической собственности. В результате всех моих нескольких обращений прокурор всё же опротестовал приказы комдива по моему делу, которые тем не менее им не были отменены. Деньги, как удерживали, так и продолжали удерживать, а за свою строптивость я поплатился направлением на новое место службы из более-менее благополучного Самарканда, в котором прослужил 10 лет, на нижестоящую должность в Термез.

С тех пор у меня никогда не возникало желания вступать в спор с начальством, осознав до конца на своём примере старый постулат, что «в армии прав тот, у кого больше прав». Тем более надо было быть осторожным сегодня, когда до пенсии оставалось всего ничего, и рискованно было вступать в конфронтацию с начальством, наделённым теми же самыми деспотическими правами, что и в Самарканде, и способным у самого финиша всей моей долголетней службы серьёзно навредить мне. А жаловаться в армии было некому.

3. В связи с невозможностью возвращения на свою родину написать рапорт с ходатайством о направлении меня с семьёй на постоянное местожительство в Чехословакию. А именно в город Френштат под Радгоштем чешской Северной Моравии, в котором проживали моя бывшая жена чешка Божена и дочь Соня Жемайтисовы. Обе они гражданки ЧССР. И вот этот минус как признак моего «непатриотизма», а значит и «неблагонадёжности», из-за которого мне пришлось жариться скорее как диссиденту, чем полноправному гражданину свободной страны целых 16 лет в пустынях Средней Азии, не дослужив одного года в Чехословакии, можно было, прикинувшись шлангом, попытаться исправить на плюс. Мол, скучаю по своей дочери в Чехии, в Москву на родину не пускают, жилья в России нет, и не предвидится его получение даже в отдалённой перспективе. Единственный выход в моём бедственном положении – менять страну проживания с целью воссоединения семей и попытки решения своего жилищного вопроса уже за границей. Алименты на дочь я только недавно все выплатил до копейки, о чём имелись соответствующие документы в финансовой части. А о моём бывшем семейном положении можно было узнать по записям в двух экземплярах моих личных дел. К тому же и на руках я имел документы и их копии с брачным свидетельством, о рождении дочери, о разводе и с решением суда города Нови-Йичина по вопросу присуждения мне алиментов. В конце концов не во враждебные США прошусь, а в братскую республику, в которой могу ещё послужить в деле укрепления дружбы и взаимопонимания между славянскими народами двух стран.

Правда, здесь уже мне пришлось бы переступить черту чиновничьей непредсказуемости от которой не веяло ничем хорошим за мою аполитичность, ибо Вологда не Москва, где полно разного рода иностранцев, к которым москвичи давно привыкли и относятся к ним равнодушно. Чего не скажешь про провинциальную Вологду, жители которой всё ещё считают европейских иностранцев своими заклятыми врагами и поэтому относятся ко всем выезжающим в Европу на ПМЖ как к своим личным врагам, - редко у кого в семье кто-нибудь из родственников не погиб в Великой Отечественной от рук немецких оккупантов. Не исключение и командование вологодской дивизии, которое могло навлечь на меня дополнительные неприятности. А то и разжалование в звании, чего я очень боялся после тяжёлых лет офицерского роста. Но служба моя уже подходила к концу, и как говорится, «кто не рискует, тот не пьёт шампанское». К тому же другого выхода из сложившейся ситуации я просто не видел. И считал, что надо держать удар, достойно отвечая на абсурдные, созданные кем-то и не понятно для чего запреты и законы ещё более нелепыми по своей сути просьбами в целях выхода из безвыходного по вине этих законов положения. Считал также, что в стране, в которой действуют такие жестокие правила и властям безразличны нужды её офицеров, все офицеры после службы должны иметь право на эмиграцию.

Вспомнилось, как после женитьбы в июле 1972 года на чешке Божене меня уже через месяц направили для прохождения дальнейшей службы в Казанджик Туркмении, где я предпринял серьёзную попытку манкированием службы уволиться из армии. Не получилось, ибо вскоре последовал перевод на вышестоящую должность в Ашхабад, долгое ожидание разрешения Командующего округом на въезд жены и дочери в Союз. Хотя и не представлял их после благополучной во всех отношениях цивилизованной Чехословакии рядом с собой в захолустной Туркмении.

Ожидание квартиры и неопределённость сказались на наших отношениях. Чувства остыли, и в 1976 году через консульский отдел МИДа и ашхабадского Горсуда я с большим трудом через два года обращений во всевозможные инстанции развёлся со своей чешкой, создав уже к тому времени новую семью с Верой, урождённой Куденко, и её дочерью Наташей. А вскоре у нас родился и сын Янис.

И вот этот третий вариант с эмиграцией в Чехословакию уже с новой семьёй по моим соображениям мне подходил более всего, хотя и пугал своей пустотой неизвестности. Ибо причина, по которой я собирался выехать за границу, была по моему мнению довольно убедительной. Хотя и не представлял, что буду делать в случае получения такого разрешения. Расставшись навсегда с Россией, с безалаберной, но всё же родной и любимой, я рисковал всем, подставив под удар не только себя, но и своих жену и сына. Ведь ничего хорошего не могло меня ожидать в Чехословакии без какой бы то ни было гражданской специальности, с очень слабым знанием чешского языка, и отсутствием высшего образования. (В своё время

я подавал рапорты по команде для сдачи экзаменов в академию и другие ВУЗы страны, но неизменно получал отказы от своего начальства без объяснения причины).

Всё же обидно было видеть, как на государственном уровне любого иностранца с Запада, всплывшего вдруг благородными чувствами к родине Пушкина, Лермонтова, Есенина, Льва Толстого, Шолохова, Маяковского и др. и пожелавшего переселиться в страну «развитого социализма», тут же обеспечивали в Москве квартирой, пропиской, солидной пенсией и другими благами. И за такими примерами далеко ходить было не надо. Таких эмигрантов и даже реэмигрантов в то время часто показывали по телевизору, пропагандируя тем самым советский строй с его «гуманным отношением к людям и к гражданам других стран». Правда, если эти граждане прибыли к нам в страну из капиталистической Европы или из США. К представителям других стран планеты отношение уже было противоположное – коленкой под зад и в родную Африку или Азию. Потому что одно дело оказывать помощь жителям могущественной соперничающей с нами натовской державе. Другое – удовлетворить просьбу какого-нибудь бедного негра или азиата, каковых в мире миллиарды и все каши просят.

Как-то показали трансляцию телемоста между Москвой и Вашингтоном и на нём профессора-медика, бывшего гражданина США Локшена, переселившегося в конце 80-х годов в Москву и выступавшего с дифирамбами в адрес советских властей и всего советского. Рассказывал, как ему и его жене хорошо живётся в Москве и какие вообще хорошие все советские люди, гостеприимно встретившие их в столице и обеспечившие бесплатным жильём и работой. А ещё раньше на том же телемосте показывали переехавшую из США и живущую уже несколько лет в Киеве мужа и жену. Которые в прямом эфире доказывали, что жизнь в СССР значительно дешевле, чем в Америке. Тогда это легко было доказать, ибо у нас в стране все цены на товары и услуги назначались, а не формировались в условиях рынка. Что в свою очередь создавало проблему при их продаже с ростом дефицита всех промышленных товаров и продуктов питания, и не только на квартиры, машины, дачные участки и т.д., но и на предметы первой необходимости. Росли очереди в магазинах, в предприятиях по оказанию услуг населению, и жизнь была всё больше и больше людей ключом по голове, ибо была дешёвой, и поэтому ничего не стоила, как и здоровье граждан с бесплатным медицинским обслуживанием.

В общем, я понял, что предстояла борьба за место под солнцем и, чтобы во всеоружии оказаться лицом к лицу с армейскими чиновниками, я последние перед увольнением из армии несколько месяцев подсуетился и собрал необходимые справки, которые должны были помочь мне в моём деле. Ибо по опыту знал, что с военными должностными лицами, а тем более с кадровиками, можно разговаривать только языком документов и фактов даже при наличии двух личных дел в части и в Главном управлении кадров со всей необходимой информацией о моей ипостаси.

Первое, с чего я начал, это сделал запрос в Ленинский райвоенкомат столицы с просьбой документально подтвердить моё направление в военное училище в 1963 году. Вскоре по почте от работников этого военкомата получил аж в 3-х экземплярах это подтверждение.

Во время одного из отпусков в Москве сделал фотокопию с оригинала 1974 года, заверенную нотариусом, об изменении моей фамилии Балтушис-Жемайтис на Жемайтис.

В Квартирно-эксплуатационной части Вологодского гарнизона взял справку о том, что я не обеспечивался в Вологде жильём. Такая же справка у меня уже имелась из Термеза, в котором я служил до Вологды. И из Ашхабада о том, что я в 1975 году сдал квартиру по адресу: улица Худайбердыева, 150, кв. 5,- предоставленную мне как женатому на чешке (ещё один идиотизм – чтобы получить благоустроенную квартиру в Ашхабаде, советскому офицеру надо было быть обязательно женатым на европейской иностранке, ибо почти все офицеры и прапорщики Ашхабадского гарнизона жили в коммуналках). Сделал также запрос в МВД СССР для подтверждения моей московской прописки до поступления в Коломенское артиллерийское училище. Вскоре получил ответ, что домовая книга дома № 18 по переулку Хользунова, в котором я проживал с родителями, отцом, матерью, сестрой и племянником, «утеряна, поэтому подтвердить Вашу московскую прописку по указанному адресу не представляется возможным». Пришлось тогда с этой же просьбой обращаться опять в приёмную ЦК КПСС, ибо знал заранее, что без такой справки у меня впереди могут возникнуть проблемы. В конце концов из приёмной Генсека пришёл ответ на очень качественной мелованной бумаге с констатацией факта моей учёбы в московской средней школе, и то только с указанием всего двух лет обучения. Видимо, и в ГОРОНО, куда было направлено моё обращение, архивы также были утеряны, или просто чиновники не захотели искать документы в сваленных в кучу бумагах. Слава Богу, что сохранилось моё свидетельство об окончании московской средней школы.

На всякий случай сделал запрос и в Академию Генерального штаба, в которой с 1943 по 1954 годы служил старшим преподавателем мой отец. Получил и оттуда справку, что мой отец генерал-майор Балтушис-Жемайтис Ф.Р. работал старшим преподавателем в академии и жил со всей своей семьёй в Москве.

Вскоре после моего 45-летия в октябре 1989 года, подсчёта выслуги лет, обследования в госпитале и других, предусмотренных перед увольнением формальностей, меня вызвали в отдел кадров дивизии. Где два кадровика, майор и подполковник, соответственно полковой и дивизионный, зная уже о моём желании вернуться на родину в Москву, безапелляционно заявили, что моя просьба не может быть удовлетворена по причине военного законодательства и приказа Командующего ЛенВО, запрещающих направление офицеров и прапорщиков после службы в столицу для прописки. Предложили написать рапорт с просьбой о направлении в

Вологодский горвоенкомат для постановки на учёт и дальнейшего проживания в Вологде «до изменения положения о прохождении службы офицерским составом с вновь приобретённым правом прописки в городе Москве».

«Какое сказочное свинство!» устами своей героини из кинофильма «Золушка» воскликнула бы в сердцах артистка Фаина Георгиевна Раневская с известием, что её за безупречную и долгую работу в театре и в кино лишают московской прописки и выселяют в провинцию.

И я наотрез отказался писать этот абсурдный по своей несправедливости ссыльный для меня и моих родных приговор за долгую безупречную службу, ибо ждать каких-либо изменений в военном законодательстве – всё равно что надеяться на скорый приход коммунизма в стране, где время стоит на месте, а всё остальное движется неизвестно куда. Кадровики спокойно отнеслись к моему заявлению, приведя в пример имена нескольких офицеров-москвичей, которые так же, как и я, сначала поерепенелись чуть-чуть, но потом согласились и живут сегодня счастливо со своими семьями в Вологде. Заявив напоследок, что обойдутся и без моего рапорта.

Уже через месяц я узнал о существовании Директивы заместителя Министра обороны СССР №Д-44 от 23 августа 1971 года, подписанной маршалом С. Соколовым. Которая всё-таки разрешала прописку в городе Москве тем москвичам-офицерам и сверхсрочникам, имевшим до призыва или поступления на военную службу квартиру в столице, «если они не были обеспечены жилой площадью по последнему местожительству перед увольнением в запас или отставку, либо прибыли из заграницы, районов Крайнего Севера или приравненных к ним местностей». Почему кадровики вводили меня в заблуждение, вопрос остаётся открытым. В армии всегда существовало негласное правило «чем хуже твоему подчинённому, тем лучше для твоего служебного роста, ибо видно, что своих холопов держишь в чёрном теле, не позволяя им расслабиться». И, вообще, рассуждали они: у нас генералы и Герои Советского Союза после отставки пухнут с голоду в провинции, не имея права жить в Москве со всеми её удовольствиями и продовольствиями, а тут какой-то прощельга с литовской фамилией и двумя просветами на погонах качает свои права!

В Вологде, по последнему месту службы, у меня квартиры не было, семья проживала в Самарканде. А это значило, что я, если руководствоваться этой Директивой, имел все права на Москву.

То ли дивизионные кадровики не знали о существовании этой Директивы, то ли руководствовались в первую очередь приказами Командующего ЛенВО, Указами Совмина или другими какими документами, то ли им было лень делать запросы во всевозможные инстанции по вопросу моей прописки до поступления в военное училище и права на возвращение в Москву после службы, чтобы подготовить документы к увольнению. Можно предполагать всё, что угодно.

Да и сама Директива вызывала много вопросов: почему в ней речь шла только о Москве, а о Ленинграде, Киеве и других местностях, закрытых для прописки - ни слова.

Не устарела ли давно уже эта Директива, если в ней фигурирует всё ещё слово «сверхсрочники», когда их в армии уже почти 20 лет как заменили прапорщики?

Почему этот документ не учитывал интересы тех москвичей, которые имеют жилплощадь по последнему месту службы - какой дурак согласится отказаться от Москвы в пользу глухой провинции только потому, что у него имеется крыша над головой в каком-нибудь разваливающемся бараке!?

И почему эта директива подписана заместителем министра обороны, а не самим министром?

Видимо, окружные кадровики вытаскивали эту писульку на свет Божий в качестве джокера, когда нужно принимать решение в пользу какого-нибудь мажора, правдолюба вроде меня или нужного человека, чтобы прогнуться перед ним или его покровителями и объяснить в случае чего свои действия на основании буквы закона. Крайне ограничивающего прописку в Москве офицеров из других гарнизонов при отсутствии в стране цивилизованной адвокатуры, учреждений по защите прав граждан и гласности в вопросах законодательства и военной этики, независимых судов и разросшегося буйным цветом телефонного права. Когда в поисках решения возникшей конфликтной ситуации можно было серьёзно пострадать жалобщику от благородного гнева своего начальства – вплоть до понижения в должности или звании, в моём конкретном случае перед самым увольнением из армии – ведь до приказа об увольнении из неё я оставался безответным казачком для битья в хоромы «барина – самодура» с правом понизить меня до уровня своих «яремников». В своё время во Френштатском гарнизоне Центральной группы войск (в Чехословакии) я пошёл не в ногу в «марширующей толпе старых порядков и идей», а конкретно, женившись на чешке, родившей мне до этого ребёнка, за что загудел тут же в ТуркВО на долгих 16 лет, до сегодняшнего дня потеряв всякую охоту высовываться из общего строя. Советская военная бюрократия при полном бесправии всех её служащих и военнослужащих, когда ложь круглосуточно льётся в глаза и уши обывателям, – особый вид явления миру, ибо в основе своей имеет рабскую зависимость от воли своих хозяев, закрытость и секретность важных для обретения человеком свободы документов, чем и пользовались чиновники в погонах для запутывания любого дела, то ли на пользу своей личной выгоды, намекая на взятку, то ли просто потому, чтобы лишний раз дать понять офицеру, что ты для него бесправный мизерабль, которому он создаст те условия существования, которые посчитает нужными. Поэтому пословица «Закон что дышло: куда повернул - туда и вышло» в неправовом государстве как нигде в других структурах страны, относится в первую очередь к нашей родной армии.

В общем, я стал ждать вызова на ковёр и беседы с командованием дивизии по поводу моего упрямства и нежелания писать рапорт на проживание в Вологде, но обо мне как будто забыли. И когда я узнал, что документы на моё увольнение подписаны командирами полка и дивизии и направлены по инстанции в штаб корпуса в Архангельск, я тут же сел за стол и стал писать письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва, ибо помнил слова Сталина из своего советского прошлого: «У каждой проблемы есть фамилия, имя и отчество». А если проблема исходит из советского законодательства наперекор Конституции страны, то и решать её надо с тем, кто несёт ответственность за несоблюдение статей Основного закона страны, а именно с Главой СССР М.С. Горбачёвым, создавшим в моём деле своим действием или бездействием тупиковую с моей точки зрения ситуацию. Привожу письмо по памяти.

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

К Вам за помощью обращается подполковник Советской Армии, прослуживший в её рядах без малого 27 календарных лет, 16 из которых пришлось на службу в войсках Туркестанского военного округа. С 1968 по 1972 годы я служил в Центральной группе войск, выполняя свой интернациональный долг в Чехословакии. Пришлось участвовать и в боевой операции в Афганистане в 1986 году, где я находился в 2-хмесячной командировке в должности начальника артиллерии 149 мотострелкового полка 201 мотострелковой дивизии и участвовал в выводе этого полка с территории ДРА в СССР.

За время службы нажил различные болезни и вот теперь, когда меня увольняют из армии по возрасту и выслуге лет, оказалось, что я не имею права на возвращение на свою родину в Москву, в которой родился, вырос и призывался в армию. В которой похоронены мои мать и отец генерал-майор Балтушис-Жемайтис Ф.Р. (1897 – 1957), являвшийся в 1940 году Командующим Литовской народной армией, а в 1942 – 1943 годах первым командиром 16-й Литовской стрелковой дивизии, воевавшей на фронте. Не могу вернуться в город, где живут мои родственники и друзья, несмотря на то, что мой отец и я, как могли, доказали свою преданность стране, ставшей непонятно почему для меня чужой и жестокой. Не станет никогда родным и Самарканд, в котором я прослужил 10 лет, где проживает моя семья и где со всей очевидностью среди узбеков стали проявляться националистические настроения.

Поэтому очень прошу Вас помочь мне и моей семье вернуться в Москву, где я ещё собираюсь работать, для чего имею достаточно сил и здоровья. Если же в силу каких-нибудь причин возвращение на родину невозможно, то очень прошу Вас помочь мне и моей семье с выездом в Чехословакию на постоянное жительство. Конкретно во Френштат под Радгоштем Северной

Моравии, по месту проживания моей бывшей жены и дочери, чешек по национальности, в целях воссоединения семей.

Необходимые копии документов, свидетельствующие об обоснованности моей просьбы, прилагаю.

Обязуюсь за рубежом достойно нести высокое звание СОВЕТСКОГО КОММУНИСТА.

Искренне Ваш подполковник Жемайтис»

В конце концов «тварь я дрожащая или право имею!?!», чтобы бороться за место под солнцем, не сдаваясь на милость чиновникам. Первые наивные слова-обращения были мной написаны под влиянием нахлынувших на меня в тот момент волн возмущения от несправедливости и безысходности как к единственному человеку в мире, который мог оказать мне помощь. Ибо оказался в положении, когда позади – 27 лет безумия, впереди – провинциальная неустроенность с жилыми бараками, уличными туалетами типа «сортир» и мусорными свалками с выгребными ямами вокруг благоустроенных более менее центров городов. Хотя отлично понимал, что читать моё письмо будут такие же крючкотворы кремлёвского аппарата, что и в Вологде, а «уважаемый Михаил Сергеевич» не будет даже знать о моём обращении и тем более существовании. Но тогда эмоции во мне преобладали над здравым смыслом, и я по старой русской традиции, всё ещё веря в справедливого царя-батюшку, обращался за помощью лично к главе государства.

Последние же слова-обязательства «достойно нести за рубежом высокое звание СОВЕТСКОГО КОММУНИСТА» были написаны явно по старому шаблону и с горькой иронией в душе. Ведь надо же было как-то, сохраняя статус-кво, оправдать свою необычную просьбу, декларируя при этом как члену партии хотя бы формально приверженность коммунистическим идеалам, чтобы окончательно и бесповоротно одним ударом не порывать со всем своим офицерским и партийным прошлым. Мелькнула было даже озорная мысль приписать: «Готов к сотрудничеству со спецслужбами страны», - но посчитал, что это будет уже явным перебором в заявленной лояльности ко всей советской системе и её надуманным завоеваниям социализма с их ценностями. Которые давно уже не внушали мне никакого доверия из-за их антигуманного отношения к людям и бесперспективной экономики. А всё моё лицемерие в этом вопросе можно было объяснить ответной реакцией на созданную в стране систему лакейской зависимости, в которой я находился без двух месяцев 27 календарных лет службы. Как говорится, «с волками жить – по-волчьи выть!». Когда размыты понятия о добре и справедливости, правде и кривде, где химерические идеи принимаются за истину в последней инстанции, права человека не соблюдаются из-за их когда-то официальной оценки как «пережитков капитализма»; где наглость и грубость правят бал, сильный обижает слабого

и где в результате страной управляет коронованный пахан с воровским сходняком. Поэтому приходилось и приходится мириться с самодурством сильных мира сего и созданной ими такой государственной конфигурации с пропиской граждан, при которой величие нации определяется не обустроенностью всей страны в целом, а лишь благополучием её метрополии Москвы, ставшей таковой внутри колониальных владений с приходом большевиков к власти в октябре 1917 года, и где под боком у этих авторитетов я имел несчастье родиться и вырасти. Поэтому, чтобы вернуться к своим отеческим гробам после длительной службы, под всё это нагромождение безусловной пошлости и хамства пришлось подстраиваться, борясь с чиновничьим произволом их же оружием – логикой абсурда с неприемлемыми для чиновников предложениями по выходу из непростой ситуации. Ибо, разрешив мне выезд в Чехословакию в целях соединения с дочерью чешкой, вопрос получения московского жилья не решался – он загонялся вглубь проблемы и создавал прецеденты возникновения тупиковых ситуаций для других, таких же, как и я, чайников, приравненных к представителям малых народов СССР, а именно: немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, корейцев, крымских татар и др., переселённых в годы сталинского правления в середине 40-х годов под дулами автоматов бойцов НКВД из своих исторических мест проживания в необжитые районы Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Что стало предметом обсуждения в перестроечные годы, критики политики сталинского режима, реабилитации репрессированных народов и постепенного возвращения их в места довоенного проживания. Почему только офицеров и прапорщиков, имевших несчастье родиться в закрытых для прописки городах и всяких не коснулась сия волна реабилитации, никак не мог понять.

Поэтому и пришлось использовать свой единственный козырь – косить под шланга и требовать невыполнимого – разрешения на эмиграцию с русской семьёй в Чехословакию, где жила моя дочь и бывшая жена и где существовала ещё Центральная группа войск, численностью в 73 500 советских военнослужащих (по чешским источникам), которые бы через чешскую оппозиционную прессу могли узнать, что советский подполковник, уволенный в запас и не имеющий возможности получить жильё на родине, вынужден просить его в Чехословакии. Тогда ещё не было Интернета, и бойцы группы могли бы на моём примере узнать о реальном положении дел уволенных в запас офицеров и прапорщиков от чешской прессы. Из-за чего мог бы разразиться небольшой, но всё же скандальчик во вред престижу Советской Армии в рамках советско-чехословацкой дружбы и сотрудничества. И отнюдь не в пользу этой дружбы и сотрудничества, как заноза, мешающая полноценному рукопожатию.

Вообще, диву даёшься, насколько надо быть всем гомо советикусами с их невероятным самомнением и тщеславием, не уважающими самих себя, чтобы терпеть в стране авторитарное своевластие, на обломках которого ещё

Пушкин грозился написать имена его разрушителей в своём знаменитом стихотворении «Во глубине сибирских руд».

Как-то в одной из телепередач мне понравился один очень простой эксперимент с вазой и насыпанными в неё грецкими орехами. Возле этой вазы разместили 20 человек и попросили каждого ответить, сколько в вазе орехов. Один ответил – 290, второй – 180, третий – 320 и т.д. Затем подсчитали количество орехов в вазе, сложили все ответы и разделили на 20. Результат оказался с общей погрешностью всего в 10 орехов. Вывод по этому эксперименту может быть только один – коллективный разум при независимом парламенте, суде, свободе слова и печати, отсутствии телефонного права, когда нет никакой вертикали власти в виде диктатуры на вершине этой власти, а все органы управления страной работают независимо друг от друга в рамках Закона, только тогда может быть порядок в стране, без противоречащих друг другу принимаемых законов, подзаконных актов и бесчисленных под каждого диктатора «поправок к Конституции».

А в деле приверженности к идеалам коммунизма я покривил душой: в 1978 году в Самарканде при выдвижении меня на должность командира артиллерийского дивизиона мне во благо своего карьерного роста, уже в солидном возрасте 34 лет, пришлось вступить в КПСС.

Но я считал, что имею все права на Москву. Ибо по духу и по факту являюсь русским, чему в первую очередь обязан моей дорогой и любимой мамочке, донской дворянке Евгении Васильевне, урождённой Хрипуновой. Происходившей из знаменитого на Дону дворянского рода Хрипуновых, пострадавшего в годы красного террора и расказачивания во время и после гражданской войны 1918-20 годов.

Когда мы с ней в 1960-ом году, году моего 16-летия, пошли получать мой первый паспорт в 7-е отделение милиции Москвы, то у меня, как у отца и мамы, была двойная фамилия Балтушис-Жемайтис. Дело в том, что настоящая фамилия отца была Балтушис. Под именем Жемайтис Антанас он был направлен по линии Коминтерна на подпольную работу в Литву в конце 1918 года и под этой фамилией известен в Литве как руководитель восстания в Шяуляе, оккупированный в то время немцами. В результате немецкий гарнизон был разоружён, и во всей Шавельской области в самом начале 1919 года на три месяца была установлена советская власть. (См. журнал «Вопросы истории» № 4 за 2003 г). Поэтому, как и у многих революционеров той поры, за ним закрепилась эта двойная фамилия, перешедшая по наследству мне и моему брату Феле. Из-за её громоздкости и возникавшей постоянно путанице в середине 70-х годов я изменил её на Жемайтис. Именно с того времени я и ношу вторую фамилию отца по названию литовской области Жемайтии, народ которой, отличаясь своим упрямством и упорством в достижениях поставленных целей, позже всех восточно-прусских племён принял христианство.

И вот когда паспортистка спросила меня, какую национальность я выбираю, ибо если отец литовец, а мама русская, то у меня имелся выбор. Мама тут же

затараторила: русский, запишите его русским,- не позволив мне и рта раскрыть, чтобы выразить желание. Я согласился, но когда мы с ней вышли из отделения милиции, задал вопрос: а почему я должен быть обязательно русским и, вообще, какое это имеет значение, если всё наше государство многонациональное и все народы его населяющие равны. Мама, пережившая гражданскую войну на Дону, на которой большевики расстреляли её деда Георгия Захаровича Хрипунова, в 1919 году в Усть-Медведицкой станице, в 1920-ом отца окружного атамана Василия Георгиевича под Новороссийском. Потерявшая от рук красных всех своих ближайших родственников. А в 1937-ом и двух своих братьев как врагов народа, расстрелянных в застенках НКВД города Свердловска. И не верившая, что советская власть установилась всерьёз и надолго, ибо от рождения была умной и рассудительной женщиной, ответила мне тогда словами, глубоко запавшими в душу: а представь – завтра всё изменится и вся эта советская система вместе со страной рухнут, что ты будешь делать тогда в русской Москве со своей литовской национальностью?

Мне, тогда ещё школьнику, как-то дикими показались слова мамы. Как это может рухнуть советская, проверенная войнами и всей жизнью система, опирающаяся на самую передовую в мире коммунистическую идеологию! Только уже спустя много лет я стал понимать правильность слов мамы и её предвидение грядущих событий. Когда наконец-то у русских появилась своё Отечество, гордость за свою страну, свою российскую историю, и надежда выбраться наконец, по словам Марины Цветаевой, из «грязи, уродства и глупости», какой она увидела Россию, вернувшись из Франции, куда вынуждена была эмигрировать после революций 1917 года.

Все думали, что теперь -то с приходом Ельцина во власть и первых шагов демократии все силы и средства будут направляться не на строительство сказочного светлого будущего, а на создание своей, российской экономики. Но вскоре пришло разочарование, ибо все эти надежды оказались иллюзией. Россияне опять всё испохабил и проверенную временем рыночную идею превратили в стихийный и малоэффективный базар, в котором говорить правду, как и прежде, до сих пор является экстремизмом.

Царство небесное маме! Как мне тогда в Вологде не хватало её поддержки и участия в моих делах! Не ценил я в своё время присутствия рядом с собой этой удивительной женщины и людей из её окружения с их уважением ко мне и искренними желаниями в трудную минуту прийти на помощь, выручить из беды. Теперь уже в большинстве своём никого из них нет в живых. Ведь я появился на свет в 1944 году, когда отцу было почти 47 лет, а матери почти 40.

Накануне нового 1990-го года, т.е. где-то через один месяц со дня отправки письма на имя Генерального секретаря ЦК КПСС, меня вызвали в штаб дивизии на улицу Лаврова и сообщили, что со мной по телефону желает переговорить полковник Кузнецов Николай Степанович из Главного управления кадров Минобороны. Так я узнал, что моё письмо из приёмной

ЦК КПСС на Старой площади переправлено им и теперь по распоряжению Начальника ГУКа они будут менять пункт подписанного уже приказа Командующего ЛенВО, касающегося моего дальнейшего места жительства, а именно на Москву вместо Вологды. А это значило, что никакой гнев начальства из-за моей строптивости уже не страшен, и я могу уверенно идти к своей цели с гордо поднятой головой. Николай Степанович под диктовку сообщил мне перечень документов, необходимых для этого переоформления, образец нового рапорта на имя Командующего и попросил всё это собрать и передать ему в кратчайшие сроки.

Не выразить словами тогдашнее моё состояние от столь радостного для меня известия. Душа моя ликovala и пела пушкинской строкой: «Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег!». Ведь теперь дело о моём устройстве приобрело довольно ясные очертания и, возможно, скоро я уже как полноценный москвич, а не отпускник или командировочный, буду гулять по столь любимым мне с детства улицам и площадям столицы.

А ещё через несколько дней пришла выписка из приказа о моём увольнении из армии. Подошла к концу вся моя долголетняя офицерщина. Хотя армейский стаж ещё шёл до окончания положенного мне в этом случае двухмесячного отпуска в новом уже 1990-ом году и приказа командования дивизии о моём исключении из списков части после сдачи должности. После телефонного разговора с Кузнецовым мне не составило большого труда подготовить все необходимые документы, собранные загодя, и отправить их ценным письмом в адрес моей сестры Эльвины, проживавшей в Москве. Чтобы она уже отнесла их в ГУК и передала лично в руки Кузнецову. Что и было вскоре сделано.

Наверное, те дни были самыми счастливыми в моей жизни. Ещё бы! Ведь по негласным авторитарным понятиям, по которым жила наша страна, «кто не был лишён свободы, тот не знает её цены!». Воображение рисовало радужные пасторальные картины городских московских зарисовок. Счастливую жизнь с Верой, Яником в родном городе, Третьем Риме, где так много всего интересного и познавательного. Где ещё совсем недавно имелись в продаже лучшие в Союзе продукты питания, одежда, товары повседневного спроса. Где лучшие врачи, учителя. Лучшие в стране музеи, концертные залы, выставки и т.д. Ведь не зря москвичей называют дворянами Советского Союза. И я сумел доказать чиновникам своё право на этот наследственный титул после того, как меня хотели по непонятным причинам лишить его за не продуманный до конца поступок в молодости, связавший меня добровольно по рукам и ногам армейскими путами.

Впереди предстояли радостные встречи с друзьями, родственниками, выезды на природу любимого мной с детства Подмосковья. К которому, по детским воспоминаниям дачной жизни на «Трудовой», у меня всегда была ностальгия за её берёзовые рощи, медленно текущие реки вдоль лесов и лугов. Тяжёлую загадочную гладь озёр и искусственных водохранилищ. Летние, душистые

поляны с луговым разноцветьем, где бело-розовая кашка соседствует с фиолетовыми колокольчиками и одуванчиками. А золотые и голубые с крапинками купола полуразрушенных церквушек на фоне синего-синего неба заунывно гармонируют с покосившимися могильными плитами и крестами погостов, заросших репейником и бурьяном с человеческий рост. Чёрные и покосившиеся избы с резными наличниками на фасадах заброшенных изб красуются в соседстве с язычески причудливыми огромными подсолнухами и сломанными во многих местах и почерневшими штакетниками. Несравнимая же ни с чем золотая осень с рыжею крон деревьев и по-женски величавым страданием увядающих лесов под тяжестью неотвратимых холодов и осенних дождей в душе моей на долгие годы службы оставила самый неизгладимый след.

Увольнялся я по статье 59 «а», что означало «по возрасту, выслуге лет» и с допиской «по сокращению штатов», т.к. вся 69-я мотострелковая дивизия превращалась в базу хранения с сокращением всего её личного состава. С ежемесячной пенсией 202 рубля, что в то время соответствовало среднему заработку квалифицированного рабочего, значительно превышавшему зарплату инженеров, врачей и учителей. Как-никак, а в стране с 1917 года никто иной, а «гегемон» у власти с его «Рабоче-Крестьянской Красной Армией», почти совсем не изменившейся по её строительству со дня её создания в 1918 году, а на самом деле с времён Петра Первого.

И если затронуть тему военной пенсии, то я за все годы службы в армии в итоге потерял больше, чем приобрёл, ибо мои родственники и друзья в большинстве своём живут в одном населённом пункте, возле родителей, родственников, одноклассников. Они наработали знакомства, сохранили семейные материальные ценности, гаражи, дачи, получили наследства, стали собственниками жилья, сдавая его приезжим и получая за это солидные ежемесячные дивиденды. Военные же, перемещаясь с места на место, теряют всё, не имея возможности сохранить нажитое ими самими или доставшееся от их умерших родителей. Не зря у военных ходит поговорка «Два раза переехать – всё равно что один раз погореть».

После ознакомления с приказом об увольнении мне пришлось срочно выехать в Москву за водкой и вином для подготовки к традиционному по этому случаю прощальному ужину. Ибо в то время в Вологде, как и по всей стране, существовала талонная система распределения всей алкогольной продукции, что также являлось следствием антиалкогольной кампании, проводимой в стране с 1985 года. А так как я с самого начала этой кампании не пил ничего крепче кофе и чая, то все свои талоны, получаемые у заведующей общежитием из расчёта 2 бутылки водки на одного человека в месяц, отдавал своим друзьям офицерам. В Москве же в начале января 1990 года можно было ещё отовариться алкоголем без талонов и ограничений. Но мне для этого пришлось побегать по столице, чтобы найти

его в продаже в небольшом магазинчике напротив Смоленского гастронома, и к тому же при не очень большой очереди.

Вскоре с тяжёлым грузом бутылок и разного рода закусок я снова оказался в Вологде. Где на очередном утреннем построении офицеров в коридоре штаба полка командир полка полковник Домодыка, сменивший на этой должности недавно полковника Зубрицкого, поздравил меня с окончанием службы. Пожелал успехов в гражданской жизни и вручил благодарственную грамоту за долгую и безупречную службу, подписанную чернилами, самим Главкомандующим Сухопутными войсками генералом армии Варенниковым, что случалось, насколько мне было известно, довольно редко. Обычно такие грамоты подписывали замы Главкома. Вручили мне фотоаппарат «ФЭД» в качестве подарка от офицеров полка, который я сам покупал для себя на собранные офицерами деньги. Сказал и я пару слов на прощание и пригласил всех на прощальный ужин в общежитие, где жил и где уже готовился стол моими друзьями.

За столом собралось человек 20 близких мне по службе офицеров и прапорщиков, за исключением двух кадровиков, пытавшихся воспрепятствовать моему переезду в Москву, но тоже приглашённых мной. Ведь именно кадровики на таком торжестве являлись главными гостями. На столе стояло достаточное количество водки и вина с холодной и горячей закуской. А также с фруктами и минеральной водой.

В общем, проводы прошли достойно и весело и вскоре я, окрылённый предоставленной свободой, заехал сначала в Москву к сестре, разделившей со мной радость увольнения из армии и благополучного разрешения вопроса. После чего вылетел в Самарканд вместе с оказавшимися в Москве в отпуске дочерью Наташей и внучкой Женей, оказавшимися проездом в столице из Германии. В которой муж Наташи, капитан Василий Босый, проходил офицерскую службу.

В Самарканде же вместе со всей объединившейся на короткое время семьёй я, как ребёнок, радовался первой своей одержанной над чиновниками победе. Не представляя даже о тех трудностях, которые ожидали меня впереди. Моё состояние в то время можно было сравнить с состоянием путника, дошедшего, наконец, после долгой дороги по пустыне под палящими лучами солнца к оазису с пресной водой и финиковыми пальмами как к промежуточному пункту по дороге к океану. И таким оазисом тех времён в моей памяти навсегда остался Самарканд с его 2500-летней интересной историей и культурой, в котором я в общей сложности прослужил 10 лет, и где в 1978 году на свет появился мой сын Янис.

Отпуск пролетел быстро и где-то в первых числах марта я снова оказался в Вологде. Пожил ещё какое-то время в своей холостяцкой комнатке в бараке и 15 марта 1990 года получил полный и окончательный расчёт с исключением из списков части. Общая выслуга лет в льготном исчислении у меня составила 27 лет и 10 месяцев. Получил пенсионную книжку, 500 рублей единовременного пособия,- денежное содержание за 2 месяца. Проездные

документы на проезд семьи и перевозку вещей в 3-тонном контейнере, справку о льготах. И главное – направление в Ленинский райвоенкомат Москвы для постановки на воинский учёт.

Мой теперь уже бывший командир дивизиона Валера Гавриков, с которым у меня за все 2 года службы в Вологде сложились очень хорошие и доверительные отношения, отвёз меня с вещами на своей машине на вокзал. Тепло распрощались с ним с надеждой на встречу в будущем. И, честное слово, грустно было расставаться как со своим командиром, так и с любимившейся Вологдой с её красивыми горожанками, деревянными домами и неухоженными церквями. Спасо-Прилуцким монастырём, в котором я по выходным дням любил бродить по верхнему периметра его стен. С памятником поэту и другу А.С. Пушкина, Батюшкову. С изваяниями Ленина и призывными плакатами об ударном труде. И с друзьями по службе: Геной Абрамовым, Мишей Лещенко, Петей Чистяковым, Володей Футерманом, Геной Климовичем, Игорем Островским и многими и многими другими, на помощь которых всегда мог рассчитывать.

По приезде в Москву, как всегда, остановился у сестры в Олимпийской деревне. Сестра жила одна в трёхкомнатной квартире, ибо её сын Коля вместе со всем своим семейством находился в это время в долгосрочной командировке в Индии как переводчик с английского языка при советском посольстве в Дели. И с первых же дней своего уже не отпускного пребывания в столице встретился с очередными трудностями.

МОСКВА – САМАРКАНД - МОСКВА

Москва 1990-го года, как и несколько лет спустя – это уникальное явление в её истории. И я благодарю судьбу, что она связала меня с родным городом в то тяжёлое для неё и для всех россиян время, когда во всех городах и во всём чувствовалось безвластие и растерянность. И, если бы не деловитость спекулянтов и теневиков, в столицу бы пришли, как и после октября 1917 года, разруха, голод и анархия.

Жизнь в городе бурлила, как и прежде, но разительно отличалась от знакомой мне по выражениям лиц её жителей, недавно смотревших с оптимизмом в будущее, теперь же с тоской и печалью в глазах при виде пустых прилавков магазинов и бесконечно длинных очередей за самым необходимым. Причём, если в начале 90-го года что-то ещё можно было купить в магазинах, то уже в середине того же года жизнь стала просто невыносимой. И все москвичи были озабочены только одним – как пережить это вдруг наступившее лихолетье с исчезающими с каждым днём из продажи всё новыми и новыми товарами первой необходимости.

Помню, как в каждый свой приезд в столицу из Вологды я вёз сестре кур, которых наравне с другими продуктами питания в свободной продаже в Москве не было. Сахар, спиртное, мука продавались только по талонам в ограниченном количестве. Да, к тому же при их покупке нужно было

предъявлять свой паспорт с московской пропиской. А так как у меня его не было, то предъявляя своё удостоверение личности офицера, нужно было часто унижаться доказывая продавцам своё право на питание, а значит и на жизнь.

Вскоре были введены визитные карточки с печатями ЖЭКов, с фотографией на них владельца этой карточки и с составом семьи. При этом совершенно не учитывались права приезжих, число которых в Москве всегда держалось где-то в количестве двух миллионов человек ежедневно. А при тотальном дефиците продуктов питания по всей стране можно предположить, что их в столице в то время было значительно больше.

В местном ЖЭКе Олимпийской деревни, где я поселился у своей сестры, мне дали такую визитку, которая тем не менее нисколько не освобождала от стояния в длинных очередях за самым необходимым. И, стоя в которых, можно было стать свидетелем конфликтных ситуаций между самими покупателями или покупателей с продавцами. Часто перераставшие в драки с мордобитием, воплями и площадной бранью.

В универсаме Олимпийской деревне, услугами которого я всегда пользовался при всех своих приездах в отпуск, начиная с 1981 года. Когда мои мама, сестра и племянник переехали жить с Севастопольского проспекта в недавно построенную к летним Олимпийским играм 1980 года Олимпийскую деревню, всегда имелись, как и во всей Москве, в продаже колбасы разных сортов, сыры, мясо и т.д. Что для Самарканда, в котором я проходил службу, было в диковинку. И я всегда возвращался домой на самолёте с полными сумками деликатесов, чтобы порадовать семью. Причём, в аэропорту Домодедова при проверке ручной клади тётки в форме Гражданского воздушного флота безжалостно давили яйца, которые я, чтобы они не побились, брал с собой в самолёт. В Москве они в то время продавались по 90 копеек за десяток, а в Самарканде их можно было купить лишь на базаре по 2 с половиной – 3 рубля. Мясо в Москве стоило 1 рубль 90 коп за килограмм, в Самарканде же ниже 6 рублей за говядину и 4-х за свинину цена никогда не опускалась. За молочными изделиями для детей жена вставала рано утром и шла в магазин занимать очередь. В Москве же все они продавались свободно. Качественных кондитерских изделий в Самарканде не было и в помине. Фрукты и овощи примерно шли по одинаковой с Москвой цене, что объяснялось занятием всех земель в Узбекистане под посевы хлопка. Из-за чего плодороднейшая земля при отсутствии севооборота и недостатка пресной воды быстро истощалась и властям приходилось осваивать всё новые и новые земли в ущерб огородничеству и садоводству. А то немного из овощей и фруктов, что всё-таки выращивалось и продавалось на базарах по высоким московским ценам и в очень ограниченном количестве в магазинах, было заражено селитрой и пестицидами из-за повального хлопководства с его чрезмерной химизацией всех сельскохозяйственных угодий. И всё это на фоне равенства денежных доходов в центре и в провинции. Что для многих государственных служащих

являлось весомым аргументом не в пользу развитого социализма.

Справедливо роптали и офицеры, служившие в Туркестане, таким явным ухудшением жизни, усугублявшейся ещё и тем обстоятельством, что в магазинах Средней Азии продавцы почти никогда не давали сдачу в виде копеечной мелочи, объясняя это отсутствием у них серебра и меди.

«Посмотри сюда – ну нэт её у меня, не дают покупатели»,- всегда следовал шаблонный ответ, если кто-нибудь начинал возмущаться. И часто с презрением на лице продавца получая эту мелочь, брошенную на прилавок с просьбой больше к ним не обращаться за покупками.

Я думаю, что торгаши мелочь специально прятали с безропотного согласия, далёкого до цивилизованных деловых отношений населения, чтобы иметь хороший навар в торговле. Теперь же и в Москве стало почти так же, как в Ашхабаде или Самарканде. Возле всех универсамов народ рано утром толпился у дверей, чтобы сразу же с их открытием ринуться в его нутро и успеть занять сразу три очереди к окнам: за мясными, молочными изделиями и за хлебом. От бывшего ассортимента товаров не осталось и следа -,се прилавки стояли пустыми. А к базарам или рынкам с их высокими ценами избалованные столичные жители, в отличие от среднеазиатских, ещё не привыкли.

Полупустыми стояли и прилавки промтоварных магазинов. В поисках мыла или зубной пасты приходилось колесить по всей Москве.

Стали появляться ларьки с коммерческой торговлей, чего никогда раньше в Москве не было, в которых цены на товары были ужасающе высокими. Пара каких-нибудь импортных туфель стоила одну или две моих месячных пенсий.

Впервые в Москве после ликвидации НЭПа на Кропоткинской,36 заработал частный ресторан под названием «Трактир», который из-за дороговизны услуг могли посещать только криминальные бароны, воры-рецидивисты и спекулянты крупного калибра. А я ещё застал Москву с очередями возле центральных ресторанов и кафе. Когда с 5-ю послереформенными с 1961 года рублями в кармане, выстояв очередь или сунув швейцару трёхрублёвку, можно было за столиком заказать бутылку водки или даже коньяка с нехитрой закуской и сидеть вдвоём или одному и слушать музыку назло официантам с их недобрыми и косыми взглядами на невыгодного клиента.

Во многих районах столицы стихийно стали вспыхивать так называемые «табачные бунты». Суть которых заключалась в том, что люди в очередях за табачными изделиями возле какого-нибудь киоска после того, как весь товар быстро распродавался, перекрывали в знак протеста проезжую часть улицы. Создавая тем самым искусственно автомобильную пробку с целью привлечь внимание властей города к табачной проблеме.

На Большой Бронной,29, в доме подруги моей сестры вдовы художника Дейнеки Елены Павловны Дейнеки в январе 1990 года заработало первое в стране американское предприятие быстрого обслуживания «Макдональдс», в

которое сразу же выстроилась километровая очередь. Вскоре эти закусовые накрыли широкой сетью все города России.

Заработали первые платные туалеты в аэропортах, на вокзалах и в центре столицы, расцвели буйным цветом барахолки.

Чтобы купить пару бутылок водки по талонам, надо было несколько часов простоять в очереди. Впрочем, москвичам было не привыкать к ним. Просто масштабы стали другими. Ведь сколько себя помню, все мы с детства стояли в затылок друг другу в магазинах, будто в строю. И рано утром, задолго до открытия дверей, спешили к ним за какой-нибудь импортной или дефицитной вещью. А при социализме «очередь являлась основным средством распределения материальных благ», как сказал это в конце 40-х годов главный идеолог страны товарищ Жданов, сам получавший всё необходимое в спецраспределителях для партийной элиты, в ответ на рассказы писателя-сатирика Зощенко, высмеивавшего многочисленные очереди в стране.

На московских кладбищах из-за нехватки дешёвых гробов покойников стали хоронить в мешках. По этой же причине для рытья могил стали привлекаться экскаваторы, вырывающие дешёвые траншеи вместо могил.

По телевизору почти каждый день показывали выступления разного рода экстрасенсов, психотерапевтов, колдунов и магов. Знаменитый в то время Кашпировский своим монотонным внушением «исцелял» всех собравшихся в зале какого-нибудь клуба больных людей от всех хворей. По его словам, его гипноз с установкой на исцеление передавался и всем телезрителям, следившим за его сеансами в прямой трансляции или в записи.

Другой не менее известный психотерапевт Алан Чумак по несколько раз в день с экранов телевизоров «заряжал» положительной энергией воду, продукты питания, растения и т.д., а также всех телезрителей.

Каждый день на 600 секунд на экранах телевизоров появлялась говорящая голова телеведущего Александра Невзорова с его апокалипсическими сюжетами из нашей жизни, которые вскоре приобрели оттенок уж очень явного восхваления казармы и всех в ней порядков. И все эти сеансы лечения, зарядки, предсказания будущего неизменно собирали у экранов большое количество зрителей и довольно долго пользовались у них популярностью, ибо люди, разочаровавшись в жизненных реальностях, стали увлекаться мистикой, верить в чудеса и «железную руку, наводящую порядок в стране».

Доселе не видавшие никаких демонстраций со времён разгона

Учредительного собрания и восстания левых эсеров в 1918 году центральные улицы Москвы, стали собирать под российские триколоры многочисленные толпы протестующих против внутренней и внешней политики руководства страны, доведшего всех россиян до нищеты. С призывами покончить навсегда с диктатурой коммунистов в стране и отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли партии.

Я думаю, москвичи ещё со времён Фестиваля молодёжи и студентов в Москве в 1957 году изменили своё представление о капиталистическом мире, когда в страну стали приезжать из Западной Европы и Америки молодые парни и девушки, ничем не отличающиеся по внешнему виду (разве что только в одежде) от наших столичных жителей. А не толстые дяди из США с огромными сигарами во рту, в цилиндрах и с мешками долларов за спинами, какими их карикатурно показывали средства массовой информации и такими в то время знаменитыми художниками, как Кукрыниксы (Куприянов, Крылов и Соколов), а также Ефимов, Черепанов, Ведерников и др.

Благодаря общению с иностранцами люди стали понимать, что если до встреч с ними они и жили счастливо и богато, то можно, оказывается, жить ещё счастливее и богаче. И было бы намного лучше, как на Западе, если бы 10 процентов трудоспособного населения страны крутились в сфере производства, а остальные 90 в сфере обслуживания и услуг для населения. А не наоборот, как в нашем СССР с его лагерным образом жизни и экстенсивной, с ног на голову поставленной экономикой.

Именно с 1957 года в центре Москвы чаще, чем где бы то ни было, можно было услышать английскую или французскую речь. Ушли куда-то на второй план китайцы и корейцы, обучавшиеся в московских ВУЗах и военных академиях, ходившие по улицам и площадям всегда группами человек по 8 – 10. Изменилось к ним и отношение жителей города после серьёзных разногласий между руководством нашей страны с китайским и с северо-корейским. Бывшие друзья вскоре стали врагами. А к бывшим врагам с их экранными боевиками, жевательной резинкой, кока-колой, ширпотребом, гаванскими сигарами и другими атрибутами «загнивающего капитализма» возрос интерес, подкреплённый передачами «Голоса Америки», «Свобода» и других радиостанций. Большею частью даже не из-за их пропаганды капитализма, а из-за того, что все радиостанции с «вражьиими голосами» безжалостно глушились советскими установками. А то, что удавалось поймать в районах Подмосковья, где все эти глушилки были бессильны, преподносилось москвичам по слухам в таком виде, что поневоле тут же побежишь к американскому посольству на улице Чайковского с выражением симпатий всему американскому народу и возвращённому в его недрах империализму. Буйным цветом расцвела кухонная «политработа». В условиях жёсткой цензуры «запретный плод всегда сладок», а коль руководство Советского Союза относилось географически со времён Петра 1-го к европейской цивилизации, было непонятно, почему надо вопреки всему изобретать велосипед и придумывать какой-то свой особенный путь развития для всех народов СССР, населённого в большинстве своём азиатами. Ведь было и ежу понятно, что без распада всего СССР он вёл в никуда.

И всё же Москва, переживавшая в начале 90-х годов не лучшие времена после краха всей советской системы, оставалась Москвой во всей своей красе сияющих на солнце золотых куполов церквей, шпилей

высоток. Так же, как и десятилетия назад, менялись часовые у мавзолея на Красной площади. В многочисленных сквериках и парках молодые мамы вывозили на прогулку своих недавно родившихся чад. А старички пенсионеры забивали на скамейках «козла». Вот только «соображать на троих» из-за дефицита спиртного им было намного сложнее. Да и с куревом появились большие проблемы.

Работали театры, музеи, концертные залы, выставки. В кинотеатрах стали прокручивать ранее запрещённые к показу фильмы с откровенными постельными сценами. Такие фильмы демонстрировались, как правило, в маленьких залах через видеомагнитофоны или на больших экранах с расплывчатым изображением и гундосым голосом переводчика. Чтобы в случае чего переводчика по голосу не могли распознать пинкертонеры, ибо народ ещё продолжал жить под страхом наказания за свалившуюся неожиданно с небес политическую и сексуальную революции с их митингами, демонстрациями, видеосвободой и откровенной порнухой. На только что реконструированном и единственном в столице пешеходном Арбате играли самодеятельные оркестры, поэты читали свои стихи и тут же продавали их в самиздатовском печатном виде со своими автографами. Тусовались панки, металлисты, хиппи и другие разные неформалы. Выступали ораторы перед собравшейся толпой зевая с критикой советского строя и Горбачёва. Рассказывали политические анекдоты. Художники выставляли свои картины на показ и продажу. Торговые прилавки были завалены матрёшками в виде персонажей недавней нашей истории. Открыто продавались значки, марки, монеты, открытки, изделия из серебра и золота, предметы военного обмундирования и даже кители с генеральскими и маршальскими звёздами на погонах, ордена и медали. Кришнаиты в своих причудливых одеждах под звуки бубен и пения молитв гордо шествовали мимо напёрсточников, обдуривающих лохов в окружении своих подставных лиц, якобы проигрывающих деньги главному геймеру.

Расцвели диким цветом разного рода лохотроны с их «беспроигрышной лотереей», а чуть позже денежные и строительные пирамиды. Жизнь продолжалась, и люди рожали детей, учились в школах и институтах, вселялись в благоустроенные только что построенные дома, в основном, на окраинах города и за Московской кольцевой автодорогой. Появилось некое подобие равенства между неблагополучной испокон веков в деле снабжения глубинкой и столицей. И если до революции провинция кормила Москву, а после революции всё стало Москвой забираться из провинции и строго дозированно ей же выдаваться с объяснениями, что надо мол крепить оборонное могущество страны в условиях её империалистического окружения и содержать для этих целей самую большую по численности и современную по оружию армию в мире. То теперь из-за содержания этой армии, а вкуче с ней и всех голодающих в развивающихся странах, чтобы показать всему миру нашу русскую щедрую душу, все одинаково стали бедны. Ибо нечего было уже забирать из

провинции, а значит и распределять в равных или неравных долях по городам и сёлам, уравнивая себя в том числе и с голодающими странами Африки, Азии и Латинской Америки. Сразу же отвернувшись от нас, а в некоторых случаях, ставших в одночасье врагами, перестав получать помощь из СССР. Наоборот, теперь мы стали получать гуманитарную помощь от Запада в виде всевозможных консервов, кондитерских изделий, рыбных и мясных деликатесов, детского питания и т.д. Из-за чего расцвело буйным цветом воровство этой гуманитарной помощи. И по телевизору всё чаще и чаще стали показывать врачей, учителей за решётками милицейских обезьянников, позарившихся на несколько сверх нормы коробок со всевозможными буржуазными яствами, предназначенными в первую очередь больным детям, калекам и малюткам.

И вот в этой перестроечной круговерти мне и предстояло решать свою жилищную проблему. Да так, что в случае затягивания дела моя сестра Эльвина вряд ли смогла бы долго содержать меня как безнадёжного иждивенца на свою мизерную учительскую пенсию. Ведь не имея московской прописки, я не мог найти ни работу, ни получать пенсию. А прописывать меня на своей жилплощади сестра не горела желанием, и её можно было понять. Ибо если человек где-то или у кого-то прописан, то он уже по закону имеет право на жильё с разменом всей квартиры. Да и мне самому не выгодно было прописываться у сестры, т.к. в этом случае разговор с чиновниками, отвечающими за распределение жилья, был бы совсем другим, с учётом уже законно имеющихся у меня квадратных метров. А, значит, осложнился и запутался бы ещё больше.

В противном же случае через какое-то время, не решив своего вопроса с постоянным или временным жильём, пришлось бы уезжать в Самарканд по месту жительства моей семьи и уже оттуда ждать своей очереди на московскую квартиру. Как делали так многие уволившиеся в запас офицеры нашего военного городка в Самарканде, ждавшие своей очереди на квартиры по несколько лет в выбранных для проживания городах, свободных для прописки. А это грозило осложнением моего и без того довольно тяжёлого положения и, очевидно, затягиванием всего дела. Со мной в этом случае можно было бы не считаться на таком огромном расстоянии. Будущее показало правильность моего решения остаться в Москве, чтобы успеть решить свой жилищный вопрос до прихода к власти в стране «демократов» после августовского путча 1991 года. Которые, по примеру пришедших к власти в стране большевиков в октябре 1917 года, фактически отказались от всех обязательств перед армией прежнего правительства. О чём наглядно свидетельствует судьба первого афганского космонавта-исследователя Героя Советского Союза Абдулы Ахада Моманда, который после прихода к власти в Афганистане в 1992 году моджахедов, оказавшись в командировке в Индии вместе со своей семьёй (с женой, сыном и двумя дочерьями), попросил политического убежища у Ельцина. Получил официальный отказ, несмотря на звание Героя Советского Союза, полученные в Москве два высших

образования (Академия им. Гагарина, Академия Генштаба) и полёт в космос в 1988 году на космическом корабле «Союз ТМ-6» на станцию «Мир», когда он с космонавтом Ляховым после почти 9-суточного полёта при спуске на Землю чуть не погибли. Причём, спаслись благодаря именно находчивости Абдулы.

Слава Богу, приютила Германия, где он и вся его семья живут и здравствуют поныне.

Тот же Ельцин, пришедший вскоре после описываемых мной событий к власти в стране, резолюцией какого-нибудь чиновника из президентской приёмной послала бы меня типа: «Катись колбаской по Малой Спасской в свою Чехословакию вместе со своим папой - национальным героем Литвы.»

С первых же дней переезда я сразу навестил Отдел распределения жилья Ленинского райисполкома на улице Тимура Фрунзе, где отдал все необходимые для постановки на учёт документы. Узнал от работников этого отдела, что временного жилья у них нет и общежитий тоже. И что в очереди на квартиру в их районе среди офицеров запаса я буду вторым. Это уже немного обнадёживало и вселяло оптимизм. Но в течение какого времени я могу надеяться на получение жилья, работники отдела неопределённо пожимали плечами.

Сдал я также все необходимые документы для постановки на воинский учёт в военкомат на 3-й Фрунзенской улице, где состоял на призывном учёте до поступления в военное училище.

Немного пугала неизвестность. Но я ещё не исчерпал кредит доверия своей сестры с её терпением моего вынужденного иждивенчества. В крайнем случае, можно было бы подыскать какую-нибудь частную халупу с временной пропиской, чтобы хотя бы на короткое время устроиться работать и ждать своей очереди, постоянно напоминая чиновникам о своём существовании непосредственно возле этой очереди. Однако вскоре оказалось, что понятие «частное» для Москвы ещё было в диковинку, и где искать такое жильё никто не знал. В лучшем случае предлагалось на правах гастарбайтера где-нибудь устроиться работать на стройке и жить вместе со всеми такими же беспаспортными бомжами вповалку в какой-нибудь подсобке. Этот вариант можно было сравнить с полевыми условиями жизни, которые мне за долгие годы службы в армии порядком надоели, и к которым у меня не было никакого желания возвращаться даже на короткое время. Оставалось только одно – при содействии местных властей искать угол в общежитии какого-нибудь завода или фабрики, чтобы работать на этом заводе или этой фабрике и ждать тарелочки с голубой каёмочкой с долгожданным ордером. Ведь жили же герои наших любимых фильмов: «Добровольцы», «Неподдающиеся», «Весна на Заречной улице», «Девушка без адреса», «Девушка с гитарой», «Семь няnek» и др., имея лишь койку в общежитии. Почему я не могу рассчитывать на этот минимум комфорта при условии, что буду работать наравне со всеми пролетариями, для чего у меня ещё было достаточно сил и желания.

С этим вопросом я и стал ходить по инстанциям, полагая, что к моим проблемам власти города отнесутся с пониманием и помогут мне с временным жильём.

В райвоенкомате, где я встал на учёт, мне сразу же дали понять, что обеспечением временным жильём офицеров запаса они не занимаются.

В приёмной Главкома Сухопутных войск на Фрунзенской набережной – тот же результат.

В приёмной Министра обороны на Кировской со мной вообще не стали разговаривать на эту тему, посоветовав прописаться там, где живу. А если б я жил на вокзале или в каком-нибудь общественном туалете?

А в Горвоенкомате на улице 25-летия Октября, 23, когда дежурный в звании подполковника поинтересовался у меня о цели визита к Военкому и затем спросил, как это я из Вологды умудрился в обход всех приказов получить направление в Москву? и, услышав мой простодушный ответ, что после письменного обращения на имя Горбачёва, подполковник вдруг побагровел. Поднялся из-за стола во весь свой, как мне показалось, гигантский рост. А надо признаться, что сам я в 1 метр 80 сантиметров тоже не из низкорослых. Глаза его налились кровью, руки мелко задрожали, золотые зубы засверкали в лучах люминесцентных ламп, и я услышал громовые раскаты:

- Ходят тут всякие... Он написал

Горбачёву! Да я с 68 года не имею здесь квартиру... И не надеюсь её вообще получить... Горбачёву написал! ... Вот пусть Горбачёв тебе и даёт квартиру. В общем, пришлось поспешно ретироваться с обидой в душе, что и здесь меня то ли неправильно поняли, то ли вообще не захотели понять. Ведь я приходил не за квартирой, а за временным жильём для себя и своей семьи. Но объяснять что-либо уже было бессмысленно и, отступая назад, пришлось постоянно оглядываться, ибо я боялся из-за своего неправильного ответа получить в затылок либо тумак, либо удар запущенным каким-нибудь тяжёлым предметом не на шутку разъярённого чиновника. И так, отступая назад, я долго ещё видел смотрящего мне вслед с ненавистью в глазах у дверей военкомата подполковника в соседстве с памятником первопечатнику Ивану Фёдорову, провожавшему, как казалось, меня тоже взглядом, полным то ли недоумения, то ли презрения.

Вообще, это здание Горвоенкомата на улице 25-летия Октября, 23 (ныне Никольской, 23) пользуется у москвичей дурной славой, ибо в дни Большого террора 30-х годов в нём размещалась Военная коллегия Верховного Суда СССР, где объявлялись и утверждались расстрельные приговоры «врагам народа». После оглашения приговора осуждённые тут же препровождались в подвал здания, где и приводились приговоры в исполнение. Трупы затем отвозились в крематорий Донского монастыря, где сжигались, а пепел выбрасывался в расположенный рядом колодец. Сколько человек прошло таким образом через это здание, одному Богу известно, архивы Лубянки закрыты и определить точное число расстрелянных не представляется возможным. Наверняка их где-то десятки, если не сотни тысяч.

Не знаю, каким образом, но после такого «приёма» ноги как-то сами принесли меня на Арбат, где в одном из его переулков я неожиданно оказался у стен Канадского посольства с толпой людей возле его главного входа. Меня заинтересовали и люди и само это посольство страны «кленового листа», второй на планете по площади после СССР, во главе которой числилась Королева Великобритании Елизавета 2-я. Изображения которой я в детстве часто видел на почтовых марках английских колоний, коллекционируя их какое-то время в 50-х годах. Их тогда можно было приобрести лишь на Кузнецком мосту с рук у спекулянтов по довольно высокой для нас, мальчишек, цене,- по одному рублю за марку. Мороженое «эскимо на палочке» стоило в то время 1 рубль 10 копеек (до денежной реформы 1961 года), «фруктовое» 70 копеек, стакан газировки с сиропом 40 копеек, любое пирожное 2 рубля 20 копеек.

Образ очень красивой молодой женщины с короной, будто сошедшей в наш бранный мир из сказок Шарля Перро, Гофмана или «Зазеркалья» Кэрролла навсегда запал мне в душу. С тех пор, когда в противовес Елизавете 2-й я встречал лишь в наших журналах многочисленные портреты наших вождей с бородками, усами, лысыми жирными головами, густыми бровями и стариковскими, не внушающими доверия лицами. А также редко публикуемые фотографии их жён, в том числе и часто тиражируемые изображения жены Ленина Крупской Н.К., с унылым невыразительным лицом с базедовыми шарообразными глазами, располневшей фигурой и кое-как одетой. Поэтому можно было невольно, по одной только миниатюре на марках, проникнуться уважением к Великобритании, её культуре и истории. Или хотя бы заинтересоваться этой страной, владевшей ещё совсем недавно половиной Африки и многочисленными колониями в других частях света и даже целым континентом. И легко расставшейся в середине 20-го века со всеми своими заморскими владениями фактически без войн и попыток вернуть силой утраченные позиции в мире. В СССР идеологи партии тогда это преподносили как «третий и последний кризис империализма начала 50-х годов», вызванный ростом национально-освободительных движений на всей планете. После которого народы всех стран, сбросив ярмо эксплуатации меньшинства населения над его большинством, возьмутся, наконец, за строительство светлого будущего по примеру СССР и стран социализма и закопают общими усилиями империализм на планете, лишившегося дешёвых сырьевых источников и рабочей силы. На всех континентах задымят трубы заводов и фабрик. На которых будут трудиться для своего же блага свободные от какой бы то ни было эксплуатации европейцами негры, желтокожие рабочие. Поющие при этом песни о счастье и здравии первой в мире Стране Советов с её «освобождённым с 1917 года трудом». Заработают речные и атомные электростанции, все страны покроются широкой сетью каналов и дорог. И на земле наступят, наконец, так долго ожидаемые всеми народами мира Свобода, Равенство и Братство. И все заживут счастливо и дружно.

Как же история непредсказуема в своём будущем! Впрочем, время показало, что даже в своём прошлом наша страна, единственная из всех стран мира, тоже непредсказуема.

Вскоре я понял, что толпа состоит сплошь из кавказцев, желавших выехать на постоянное жительство в капиталистическую, благополучную Канаду, и чего-то, громко переговариваясь, ждут. К тому же вся информация по выезду находилась на самом видном месте в освещённом окне. И вот что я прочёл:

«Правом на получение вида на жительство в Канаде пользуются только те граждане Советского Союза, которые:

- могут заплатить один миллион долларов,
- у кого имеются родственники в Канаде,
- кто преследуется в СССР по политическим или

религиозным мотивам,

- у кого есть дефицитная специальность,

необходимая в Канаде».

В общем, и здесь мне ничего не светило. Хотя я слышал, что один из братьев отца, живший в Литве, после революции эмигрировал то ли в США, то ли в Канаду. Но вряд ли он был жив, и где искать его родных я не знал.

Ну, а чтобы заплатить один миллион долларов, нечего было и думать. Само собой, отпадали и два последних условия. Пожалел, что в витрине объявления не значился пункт о «преследовании человека за его честную и безупречную офицерскую службу».

Как выжить в этих каменных московских джунглях державного холодного города, если многолетняя служба в армии оказалась для меня по факту уголовным преступлением, выкинувшим меня на улицу. Где теперь искать хотя бы временный приют?

Придя немного в себя от неласкового приёма на улице 25-летия Октября, я всё же через несколько дней попал на беседу к Военкому Москвы. Правда, уже не на улице 25-летия Октября, а в филиале ГВК по адресу: Страстной бульвар, 12. Генерал-майор Беспалов выслушал меня очень внимательно, посочувствовал моим проблемам и сказал, что ничем мне помочь не может. Пришлось прибегнуть к испытанному эпистолярному способу – обращениям с просьбой о помощи. Одно письмо я направил в Моссовет по адресу: улица Горького, 13. Второе – в Райисполком Ленинского района Москвы, третье – по проверенному адресу: Москва, Кремль. На имя Генерального секретаря ЦК КПСС, ибо всё ещё считал себя коммунистом с партбилетом в кармане. Хоть и не убеждённым, но с открепительным талоном в кармане и с большой надеждой, что меня услышат и помогут с устройством в Москве. Хотя я всё ещё не удосужился встать на учёт в партийной организации ЖЭКа по месту проживания у сестры, что мне надлежало сделать в первую очередь по приезде в Москву. Ведь живём чай не в начале 19 века. А я всё-таки коммунист и подполковник, честно выполнивший свой долг перед родиной, а не беспартийный капитан Копейкин в царской России из «Мёртвых душ»

Гоголя. Который доведённый до отчаяния равнодушием чиновников к своим проблемам и своим униженным положением после тяжёлого ранения и лишения ноги в Отечественной войне 1812 года, после бесплодных хождений по инстанциям сколотил шайку разбойников в рязанских лесах, чтобы грабежом и насилием на больших дорогах как-то выжить. Считал, что мне до капитана Копейкина пока ещё далеко. Хотя и не исключал каких-нибудь метаморфоз в своём сознании и поступках после долгой службы в армии с целью простого подавления чувства голода. Ведь и домашнюю спокойную кошку можно довести до такого состояния, что она начнёт бросаться на истязателей, к которым можно приравнять должностных лиц с их равнодушием к проблемам людей, из-за чего вообще можно усомниться в их реальном существовании на белом свете, о чём давно в народе ходят анекдоты и разные байки типа якобы имевшей место реальной оговорки диктора при освещении по телевидению начала подготовки парада на Красной площади:

- И вот наконец мы видим, как из Кремлёвской стены выходят руководители партии и государства и направляются к мавзолею.

Написал и беззаботно стал ждать результата, лёжа на диване с книгой в руках, надеясь, что партия наконец-то разберётся в моём вопросе, приструнит зарвавшихся бюрократов и тут же решит все мои жилищные проблемы.

Через месяц лежания на диване пришлось повторить письменные ходатайства, т.к. время шло, а никаких подвижек не было. Ещё через какое-то время, узнав по справочной 0-9 номер телефона приёмной Генсека, позвонил туда и узнал, что мои письма на Старую площадь переадресованы в Паспортный стол на улицу Большая Ордынка, 16, стр.4. Я не мог понять, при чём здесь Паспортный стол, если во всех своих обращениях речь шла о временном жилье, а потом уже о московской прописке.

Из Мосгорисполкома я так и не получил никакого ответа. И стал откровенно жалеть о попусту проведённом времени и упущенных возможностях в решении своего вопроса. Как вдруг в квартире раздался телефонный звонок и приятный женский голос пригласил меня на беседу в Паспортный стол города.

В указанное время явился и увидел за столом молодую симпатичную блондинку с голубыми глазами по фамилии Киселёва, которая, услышав мою фамилию и увидев меня, тут же поднялась из-за стола, показавшись мне, как и в случае с военкоматовским подполковником, гигантских размеров. Глаза её вспыхнули пламенем женского негодования и возмущения, и я услышал:

- Что вы всё пишете и пишете в самые высокие инстанции!? Житья от вас нет. Где я вам найду временное жильё, если миллионы людей его не имеют в Москве, и никогда не будут иметь...

И чтобы окончательно добить меня в заключение выпаленной на одном духу тирады:

- Да вас с такой фамилией к Москве

и на пушечный выстрел нельзя подпускать!

В общем, опять пришлось ретироваться не солоно хлебавши. Но немного придя в себя после разрывных слов Киселёвой, довольно больно ранивших душу, решил, что коль гора не идёт к Магомету, то Магомет может сделать попытку прийти к этой горе. То есть вступить в прямой контакт с небожителями этой горы в приёмной Горбачёва на Старой площади.

С этой целью я вскоре оказался возле массивных дубовых дверей здания ЦК родной партии, частицей которой всё ещё себя чувствовал с ласкающим руку партбилетом в кармане.

На моё ротозейское, долгое стояние на ступенях этого самого главного в стране учреждения обратили внимание, и вскоре я увидел перед собой симпатичного молодого человека в гражданской одежде с военной выправкой, спросившего, долго ли я ещё собираюсь здесь стоять, разинув от удовольствия рот. Услышав, что я ищу приёмную этого солидного учреждения, меня направили на улицу Ильинку, 23.

Шёл по указанному адресу с большой надеждой, что наконец-то я получу от кремлёвских чиновников на Боровицком холме, как от Бога Гефеста на горе Олимп, частицу домашнего тепла и уюта, нисколько не сомневаясь в благоприятном для себя решении жилищного вопроса.

Придя по указанному адресу и сообщив в окошко приёмной приятной на вид женщине средних лет о цели своего визита, у меня попросили документ, удостоверяющий личность. Вскоре я уже сидел на банкетке возле указанного женщиной кабинета с талончиком в руке. Дверь была приоткрыта, и мне пришлось стать невольным слушателем диалога какого-то узбека или таджика, судя по его халату и тюбетейке на голове, и чиновника приёмной, которого не было видно. Через какое-то время из кабинета вышел этот служитель Боровицкого холма, и в безлюдном коридоре установилась мёртвая тишина. Наконец он появился, и я услышал:

- Я только что разговаривал по телефону с вашим председателем райисполкома, и он мне пообещал вас принять и внимательно выслушать.

- Я вам два часа здесь объясняю, что я уже обращался по своему делу, в том числе и к этому председателю. Никто не желает меня даже выслушать. Ведь уже несколько лет не решается мой вопрос. К тому же и суд отказывается принимать от меня иск к рассмотрению моего дела. И если вы в самой последней инстанции мне не поможете, то и уповать на помощь местной власти нет никакого смысла.

- И всё же езжайте домой и решайте свой вопрос по месту жительства. Больше я вам ничем помочь не могу.

О чём конкретно шла речь, я так и не понял, но вскоре увидел выходящего из кабинета тубетеечника. Увидел смущённую гримасу на его лице, растерянный вид и отчаяние.

Тут же понял, что вскоре и здесь мне придётся с Олимпа спуститься на землю, чтобы не питать больше никаких иллюзий на помощь от этих архангелов от ЦК, работавших по тем же принципам, что и другие учреждения. То есть как почтовый ящик или футбольная бутса с пересылкой жалобы в нижестоящую инстанцию. Видимо, вскоре опять придётся разговаривать с голубоглазой блондинкой из Паспортного стола и выслушивать оскорбления.

Не внушали никакого доверия отсутствие очереди и пустующие коридоры приёмной, укрепив меня ещё больше в сознании бесперспективности своего обращения и сюда. Ибо люди в отличие от меня, по всему видно, давно уже разуверились не только во всеилии ленинской партии, «ведущей нас к высотам коммунизма», но и в вопросах какой бы то ни было помощи от самой высокой инстанции к гражданину страны, права которого нарушены. Погружённый в свои невесёлые думы, услышал будто во сне свою фамилию по домофону на двери кабинета с приглашением на беседу. С тяжёлым чувством от ничего не сулящей встречи поднялся и зашёл в светлый кабинет, где увидел уже знакомый облик чиновника средних лет, по внешнему виду мало располагающего на непринуждённую беседу из-за его скучающего выражения лица.

После небольших формальностей я объяснил суть дела. Показал все свои документы, подтверждающие мои и моей семьи права на московскую жизнь. Объяснил – жить негде. Немного приврал, сказав, что родственница, у которой я временно поселился в Москве и живу на её скромную пенсию, недовольна моим затянувшимся делом и намекает уже о выселении. Пенсию не получаю по причине отсутствия прописки. По этой же причине не могу устроиться на работу. Семья в настоящее время живёт в Самарканде, где жена и сын терпят определённые неудобства из-за резко изменившейся политической обстановки во всей Средней Азии после вывода наших войск из Афганистана. На основании вышеизложенного прошу через Райисполком выделить мне пока хотя бы временное жильё, чтобы я смог привезти семью в Москву и ждать своей очереди на квартиру. Все мои попытки решить свой жилищный вопрос с низовыми инстанциями результатов не дали. Поэтому и обращаюсь к вам за помощью.

Внимательно выслушав мою просьбу, чиновник углубился в изучение каких-то толстенных книг, взятых им с полки, что уже несколько обнадеживало и укрепляло в уверенности за будущее моего ходатайства, потом внимание его снова переключилось на мои бумажки. После долгой паузы я наконец услышал:

- А на каком основании вы оказались в Москве. Ведь вас не имели права направлять в столицу?

Я тут же почувствовал себя преступником, совершившим страшное по своей дерзости преступление, и сидящим теперь перед следователем по особо важным делам. У которого на руках имеются неопровержимые улики, изобличающие меня полностью в расстрельном деле. Поэтому смотрящим на меня теперь в упор тяжёлым и ничего хорошего не сулящим взглядом.

- На основании ходатайства вашей же администрации по моему письму на имя Горбачёва в ноябре 1989 года, что легко проверить по вашим учётным данным.

И немного волнуясь, не к месту добавил:

- Представьте себе американского подполковника, у которого срок офицерской службы закончился бы где-нибудь в Саудовской Аравии, в Японии или в Турции на какой-нибудь военной базе. А ему госслужащие все в один голос твердят, что в США в настоящее время нет прописки, поэтому ему необходимо устраиваться с семьёй по месту последнего места службы и переходить в ислам, чтоб чувствовать себя комфортнее.

Чиновник тут же нашёлся:

- И-И-И, загнули! Американский подполковник не получает даром жильё от государства, как у нас, а покупает его на свои деньги. А наше государство пока,- тут он изобразил на своём лице надувными щёками проколотый мяч, из которого со свистом выходит воздух,- не может позволить дать вам не только квартиру со всеми удобствами, но даже временный угол в общежитии.

- А американскому подполковнику деньги что, с неба сыпятся?

- Американский подполковник (тут чиновник напрягся, чтобы сразить меня очередью убойных аргументов в пользу развитого социализма) как и все офицеры капиталистических стран в отличие от СССР, в котором с самого раннего детства у людей развивают талант, живёт за счёт нещадной эксплуатации рабочего класса и крестьянства. О чём вам должно быть хорошо известно по политзанятиям в армии,- возвысил свой голос от возмущения за мою безграмотность по элементарным вопросам политологии служитель Боровицкого Олимпа.

- И негров,- решил и я совершенно искренне блеснуть своей эрудицией. Но чиновник видимо не понял моих добрых намерений, потому что с ещё большим возмущением выпалил:

- Да, и негров в том числе. И нечего здесь ехидничать, а то укажу вам на дверь, и разговор будет окончен, - уже почти стал кричать на меня этот знаток законов развития общества. Наступила долгая пауза, при которой мы оба застыли в своих позах. Он в кресле, я на стуле.

Через какое-то время, очевидно, поняв, что я не собираюсь уходить, чиновник опять углубился в изучение книг и я, наконец, услышал:

- Вот вам лист бумаги, вот ручка,- и, показав пальцем на какой-то абзац в книге, уже спокойным голосом вымолвил:

- Списывайте вот это.

В статье говорилось, что если офицер уволен с действительной военной службы в запас по выслуге лет и по возрасту, то его, как и членов его семьи, местные власти города или района, в который он был направлен для постановки на воинский учёт, обязаны обеспечить временным жильём до получения квартиры через Райисполком.

- Перепишите и с этой выпиской явитесь сюда через два дня на приём к Члену ЦК КПСС, который будет здесь дежурить. Объясните ему всё, подкрепляя свою просьбу уже этим юридическим комментарием.

Я тогда очень обрадовался – сам Член ЦК КПСС теперь выслушает мою просьбу, к тому же обоснованную с точки зрения Закона. И перед началом беседы так же поздоровается со мной за руку, как недавно в Кремле здоровался и целовался Горбачёв с бездомным и нищим американским безработным Маури. Даст разгон чиновникам и поможет мне во всём, приказав своим слугам немедленно исполнить мою просьбу. И почему-то в те счастливые минуты моего триумфа пришло на ум имя незабвенного руководителя страны Никиты Сергеевича Хрущёва, высказавшегося о преимуществах социализма над капитализмом на открытии американской выставки в Москве в Сокольниках в 1959 году, ярко показавшей москвичам богатый американский быт как смысл всего существования по сравнению с убогим нашим. Но Хрущёв тогда заявил во всеуслышание:

«Да разве может американский рабочий запросто прийти в мэрию, как наш в Исполком, хлопнуть по столу кулаком и потребовать квартиру. И ему её тут же дадут бесплатно, и на выбор...»

Может, и не стоит так критически смотреть на окружающий мир? А вдруг я, действительно, член самой передовой в мире партии, утверждающей с самых высоких трибун страны устами наших вождей, в частности М.С. Горбачёва, что, если и к концу 70-х годов нам не удалось построить коммунизм в стране и выполнить продовольственную программу, то уж наверняка к 2000 году все жители СССР не будут больше никогда нуждаться в жилье.

Вышел я из этой приёмной в самом благодушном настроении – было чему радоваться самому и порадовать своих близких. Наверное, где-то на подсознательном уровне мы больше верим в чудо, чем в свои собственные силы. От чего и разруха и не достойная великой державы жизнь её жителей. В стране, не знающей аналогов в мире по своим природным богатствам, богатой и разнообразной культуре и количеству образованных людей, обидно жить в постоянной нужде и смотреть с завистью на соседние европейские страны.

Но все мы живём здесь и сейчас и, как говорится «где родился, там и пригодился», поэтому пришлось и мне доводить до конца начатую в Вологде борьбу за место под московским солнцем. Тем более, когда уже замаячила

перед моими глазами довольно радужная перспектива в решении моего жилищного вопроса.

И вот настал мой судьбоносный день. В приподнятом и торжественном состоянии, немного волнуясь, в указанный день и час я опять оказался в приёмной, где мне была назначена встреча с высокопоставленным чиновником для решения моего вопроса.

Как вскоре оказалось, меня должен был принять Член ЦК КПСС, Министр нефти и газа СССР товарищ Лемаев, дежуривший в приёмной как представитель самых верхов страны.

Меня провели к дверям вип - кабинета, у которых пришлось часа два ждать вызова. Наконец двери отворились и меня встретили перед «воротами партийного рая» два ангела в виде улыбающихся на всю ширину лица чиновников, один из которых даже назвал мою фамилию. Один был коротышка с золотыми зубами во весь рот и добродушной улыбкой, это был сам Лемаев, лет 60. Второй, очевидно, его секретарь, мужчина моей грузной комплекции лет 40.

Я зашёл в светлое помещение, и увидел мебель орехового цвета, шикарную ковровую дорожку, Т-образный стол с множеством телефонных аппаратов и два ряда стульев. Со мной оба поздоровались за руку, после чего пригласили сесть. Мужчина моей комплекции сел напротив меня, раскрыв перед собой на столе уже известный мне первоисточник. Сел напротив меня рядом с ним и Лемаев. Я вкратце изложил суть просьбы. Вступил в разговор помощник Лемаева:

- Но здесь сказано «по возможности обеспечивать жильём», а это, согласитесь, не одно и то же.

Я не видел и тем более не переписывал эти слова, но не стал уличать этого солидного человека во лжи, ответив:

- Но неужели Москва, даже если это и так, с её самым большим в стране жилым фондом при многомиллионном населении не имеет возможности предоставить мне даже временную койку в общежитии?

В ответ услышал про внезапно свалившиеся на страну и столицу трудности в обеспечении всех желающих жильём. Что нужно подождать до скорого уже наступления лучших времён, когда программа по обеспечению всех нуждающихся квартирами будет выполнена и вот тогда уже мне будет предоставлен не временный угол в каком-нибудь общежитии завода, а полноценная квартира со всеми удобствами.

В общем, в ходе этого разговора я понял, что ничего не смогу доказать этим двум крючкотворам, один из которых занимает солидную должность в стране, а второй охраняет покой своего шефа от назойливых нужд просителей демагогическими отговорками. Тогда, пользуясь предоставленным мне судьбой случаем, решил прибегнуть к своему последнему аргументу как к резервной тяжёлой артиллерии, ибо понял, что дальнейший разговор с ними бесполезен:

-Дело ещё в том, что у меня растёт дочь в Чехословакии, чешка по национальности, о чём я сей же час могу представить документы, которую я с 1972 года из-за отсутствия жилья не видел и которая очень хочет со мной повидаться. В случае вашего отказа в удовлетворении моей просьбы мне ничего другого не останется, как обратиться непосредственно к послу ЧССР в Москве или к президенту Чехословакии, чтобы дожидаться уже у них в посольстве или в республике наступления в нашей стране лучших времён.

За столом воцарилась пауза, нарушенная через какое-то время вставанием со своего места Лемаева, доселе во время разговора хлопавшего только глазами и не издавшего ни единого звука. Что уже вселяло надежду на благоприятное решение моего вопроса. Но с первых же его слов в трубку наступило опять разочарование. Ибо этот высокого полёта чиновник, обратившись, как я понял из дальнейшего его разговора, к работникам Ленинского райисполкома, начал свой разговор с ними со слов «вас беспокоят из приёмной ЦК КПСС». Нет чтобы назвать свою высокую должность и фамилию и в приказном порядке решить мой жилищный вопрос или хотя бы принять и внимательно выслушать. Сообщив, что я нашёл «хитрую статью в законодательстве», он попросил записать меня на беседу к Председателю райисполкома. В общем, Лемаев прикрыл свои тылы, оставшись при этом в разговоре со своим собеседником по телефону инкогнито, что его ни к чему не обязывало и никак не могло ему навредить. И в то же время сделал вид, что моя просьба удовлетворена по полной программе.

Поблагодарив из вежливости за помощь этих двух высокопоставленных пустозвонов, я с тяжёлым чувством поехал на Кропоткинскую. В Райисполкоме, куда я обращался уже письменно, не получив никакого ответа и поэтому не рассчитывая на скорое решение своего вопроса. У секретаря записался на приём к Председателю и поинтересовался, звонил ли кто-нибудь им из приёмной ЦК КПСС по моему вопросу, чтобы записать в очередь и, получив отрицательный ответ, погасил в своей душе последние искорки надежды.

В назначенный день и час явился в Райисполком, и в приёмной увидел довольно внушительную толпу просителей. Через несколько часов ожидания я уже входил в кабинет товарища Губко Виктора Юрьевича (как я в дальнейшем узнал из Интернета, должность главы Ленинского района Москвы он занимал с 1990 по 1991 годы и затем ушёл в бизнес) и за столом увидел молодого мужчину лет 30 приятной наружности, а рядом с ним пожилого мужчину, видимо, офицера в отставке, потому что из дальнейшего разговора я убедился, что к нему Губко обратился за советом.

Я тут же высказал Губко о всём наболевшем за долгие месяцы хождения по инстанциям, ни словом пока не сказав про свою дочь-чешку (ох, уж этот лямур-лямур с иностранкой, из-за которой я был отправлен в 16-летнюю ссылку в ТуркВО и был лишён нормальной военной карьеры!). Внимательно выслушав меня, Губко сразу же заявил, что никакого временного жилья и

общежитий у него в районе нет. Но если мне положена по закону квартира, то я её получу в самое ближайшее время. И, обратившись к своему помощнику, спросил:

- Положена ему квартира как офицеру запаса, уволенному с военной службы через 27 лет этой службы? И, получив утвердительный ответ с дополнением, что только в том случае, если я представлю все необходимые документы, стал писать записку на имя начальника отдела распределения жилья.

Покидал я тогда Райисполком опять в приподнятом настроении и в то же время с небольшими сомнениями в душе, ибо по опыту уже знал, что «не нужно говорить гоп, пока не перепрыгнешь». Ведь при принятии того или иного решения все эти чиновники ссылаются на букву Закона, а это очень тонкая игра в ворота с названиями «Отказать» или «Удовлетворить» с желанием или нежеланием чиновника пойти навстречу просителю или спустить дело на тормозах.

Но тем не менее душа моя пела и на ум пришло сравнение из итальянского кинофильма «Сокровища святого Януария». В котором бандиты, решив похитить сокровища этого святого из музея, пробирались через подземный коллектор, преодолевая водные преграды, взрывая металлические двери, от чего содрогался весь городской квартал и рушились городские стены домов, обнажая жильцов, сидящих у телевизоров и не обращавших внимание на грохот и исчезновение стен. А когда добрались до ковчега с драгоценностями все с головы до ног мокрые, грязные и измученные, встретились у этого ковчега со своим сообщником, который по заранее разработанному плану должен был стоять на стреме у дверей музея и войти в него после открытия дверей изнутри. Но, как оказалось, в музее никого не было – все разошлись по домам смотреть по телевизору фестиваль песни, оставив входную и другие двери музея открытыми, через которые можно было пройти в любое помещение музея совершенно свободно, чем и воспользовался этот сообщник.

Надо и мне было сразу же идти к Губко на Кропоткинскую, а не штурмовать приёмную ЦК КПСС с дежурными бла-бла кремлёвских придурков и издевательскими переадресовками моих писем в Паспортный стол.

С запиской в руке я тут же помчался на улицу Тимура Фрунзе, 3, где мне вскоре пришлось познакомиться ещё с одним персонажем моего повествования. А именно с начальником Отдела распределения жилья Бабыниным Игорем Александровичем, как потом оказалось, тоже офицером запаса. От чего у меня сложилось впечатление, что в Москве все должности помощников высокопоставленных должностных лиц заняты в основном полковниками и подполковниками в отставке и в запасе.

Прочитав внимательно записку, Игорь Александрович тут же поинтересовался моей национальностью, увидев на бумаге фамилию явно с иностранным или, ещё хуже, с сепаратистским уклоном. Подумав про себя, очевидно, что я имею намерение получить бесплатное жильё, тут же его

продать, и с нажитым таким образом солидным капиталом сбежать за кордон. Но, услышав от меня, что я по национальности русский, ибо не имея никаких других составляющих, чтобы считаться литовцем по отцу, записан был при получении паспорта в 1960 году как русский, так как кроме литовской фамилии по отцу, не имею ничего, что бы свидетельствовало о моей принадлежности к Литве, Игорь Александрович тут же, немного подобрав, изрёк:

- Это хорошо, что вы русский. А то ведь сейчас, сами знаете, всякие там латыши и эстонцы (в СССР то ли из-за удобства произношения, то ли по незнанию многие называли литовцев латышами) требуют независимости от СССР, забыв при этом какой большой кровью в годы Великой Отечественной войны мы им добывали свободу. Я тут же подумал, что вряд ли он лично, судя по его где-то в районе 50 лет с хвостиком возрасту, добывал кому-то эту свободу, разве что карателем в Новочеркасске в 1962 году, расстреливая безоружных рабочих, доведённых до отчаяния голодом и бедностью. Но спросить не решился, а в беседе во всём с ним соглашался, изображая с помощью мышц лица что-то наподобие возмущения «происками прибалтийских националистов». Ведь от решения сидящего напротив человека зависело не только обеспечение меня бесплатным жильём, но и в каком районе Москвы, и на каком этаже он меня поселит.

Тем не менее через какое-то время нашей беседы, вдруг посмотрев на меня с явным недоверием и сомнением, очевидно, в искренности всех моих поддакиваний, Бабынин вдруг неожиданно вскрикнул, вращая своим огромным кулаком с фигой возле моего носа:

- А вот это они видели!? ХУЙ им, а не независимость! Теперь уже их кровью будем добывать им свободу от Запада! Ишь чего захотели! Подавай им независимость!

Если б мне вздумалось написать какую-нибудь автобиографическую повесть или роман о своей жизни, я б его непременно назвал «Вот ХУЙ тебе от советской власти!», ибо столько раз приходилось выслушивать этот речевой штамп чаще без мата, реже с матом из уст разного рода бюрократов в погонах и без оных, будто я враг всего российского народа или маньяк-убийца, вырезавший семью этого служителя пера и бумаги, к которому обращался за помощью. Поэтому открыто или в завуалированной форме этот повторяющийся пассаж в мой адрес я уже стал воспринимать как саму собой разумеющуюся преамбулу в решении любого вопроса. С категорическим отказом ради своего благополучия (как бы чего не вышло!) или с намёком на денежную взятку (слава Богу не пришлось), бутылку водки или другого какого-либо бакшиша во имя буквы закона. Доказательством чему служит полюбившийся многим фильм «Ворошиловский стрелок», в котором главный герой фильма ветеран Великой Отечественной войны, кавалер орденов «Отечественной войны 2 ст» и «Красной Звезды» Иван Фёдорович Афонин в исполнении артиста Михаила Ульянова, после того, как его внучку

изнасиловала группа подонков, состоявшая из сыновей известных в городе родителей, не найдя защиты в правоохранительных учреждениях, на предложение о решении проблемы через законную власть воскликнул: «А где эта законная власть? Одни кабинеты с флагами, и в каждом кабинете хмырь!». Поэтому решившего с помощью винтовки отомстить обидчикам. У меня же пока никого не изнасиловали и не убили, поэтому в ответ на какую-нибудь отписку или отговорку на свою просьбу приходилось вместо стрельбы по живым мишеням искать выход из трудного положения законным путём. И во многих случаях я решал проблемы. Недаром в школе я старался дружить с математикой, неплохо играл в шахматы, а значит, обладаю кое-каким логическим мышлением и терпением. Что, кстати, помогло мне в освоении артиллерийской науки при переподготовке из ракетчика оперативно-тактического назначения, по которому я заканчивал военное училище, в офицера наземной артиллерии, которая и близко не имела ничего общего с ракетами, и когда все расчёты для пристрелки и стрельбы на поражение из орудий с закрытых огневых позиций приходилось готовить на пластиковом бланке карандашом с простым грифелем, резинкой для стирания, биноклем и «Таблицами стрельбы», не считая средств разведки и связи со времён царя Гороха, на которых работали солдаты. Никаких компьютеров, гаджетов, лазерных дальномеров, мобильных телефонов тогда не было и в помине. Все данные рассчитывались по лекалам Великой Отечественной.

Но перехожу к беседе с Бабыниным. Немного поостыв и поворчав ещё какое-то время на «грёбанных латышей и эстонцев» с аргументами против их нехорошего поведения в духе приснопамятных советских времён, Игорь Александрович углубился в изучение моего дела. В котором, как я уже писал, отсутствовало подтверждение моей московской прописки до поступления в военное училище в 1963 году. На это Бабынин и обратил внимание, заявив, что справок о том, что я призывался на военную службу из Ленинского райвоенкомата столицы и о двух годах обучения в московской средней школе недостаточно для получения квартиры.

Я понял, что у меня опять возникли проблемы, ибо такую справку я давно пытался получить, обращаясь в различные милицейские инстанции, в том числе и в Приёмную ЦК КПСС. Мне отовсюду отвечали, что домовая книга дома № 18 по переулку Хользунова, где я жил, утеряна, и подтвердить мою московскую прописку невозможно. Я тут же показал Бабынину все эти ответы. Показал справку из Академии Генштаба о том, что мой отец работал у них старшим преподавателем с 1943 по 1954 годы и жил со всей своей семьёй в Москве, копию свидетельства об окончании московской средней школы в 1963 году, копию свидетельства о рождении, где указано, что я родился в Москве. В ответ услышал, что справка о прописке должна быть и баста.

Вышел на улицу с неприятным осадком в душе от вдруг возникшего препятствия на пути подтверждения моего московского существования до

армии, позволявшего служить родине и получать звания, а теперь я для них никто и звать меня никак, поэтому должен сам доказать, что я есть я, ибо не исключено, что до поступления в военное училище я жил за границей и, возможно, завербован ЦРУ. И, вообще, это из области моих интересов, и никто за меня этим вопросом заниматься не будет.

Начались опять хождения по инстанциям и, наконец, я представил Бабынину очередную справку, что «домовая книга дома № 18 по переулку Хользунова утеряна, и подтвердить прописку Жемайтиса О.Ф. не представляется возможным». Внимательно изучив её, Игорь Александрович завёл как бы между прочим разговор по душам о моих родителях и о моей жизни в Москве до армии. Я, не чувствуя никакого подвоха с простодушием провинциала отвечал на все его вопросы. Узнав же, что до Олимпийской деревни мои мама, сестра и племянник проживали в доме № 45 корпус 2, кв. 127 по Севастопольскому проспекту, он, сменив дружеский тон беседы на официальный, потребовал от меня справку, что я не значусь в ордере этой квартиры, куда мои мама и близкие переехали из переулка Хользунова в 1964 году. А заодно и справку, о том, что я не значусь в ордере на жилплощади у сестры в Олимпийской деревне. В ответ на моё, где я теперь буду искать архивы с этими документами, - услышал: это ваши проблемы. Затем он стал на меня кричать, что я напрасно пытался в прошлый свой визит подкупить его бутылкой коньяка, которую я действительно оставил у него в кабинете, рассчитывая, что он подobreет и будет снисходительнее к моей просьбе. Эту бутылку он мне всё же не вернул. А, значит, можно было надеяться, что она сыграет свою роль в будущем. Давать какие-либо денежные взятки я не мог по причине своей бедности и не разделённого ещё с сестрой скромного наследства от мамы и отца. Поэтому больше, чем на подарок на деньги своей сестры в виде дорогой для меня бутылки коньяка я не был способен. От Бабынина я опять уходил с тяжестью на душе и поражаясь своей наивности, когда недавно ещё хотел уехать в Самарканд и ждать, когда мне посыльный на белом «мерседесе» привезёт из Москвы на блюдечке с золотой каёмочкой ордер на московскую квартиру.

В конце концов мне удалось взять справку из одного ЖЭКа о том, что и у них архив не сохранился. А из Олимпийской деревни я принёс копию ордера на квартиру сестры, в котором моё имя не значилось в качестве жильца. И положил эти два документа на стол Игорю Александровичу. Он долго ворчал, но всё же принял эти две бумажки, сказав напоследок, чтобы я шёл домой и ждал решения жилищной комиссии. Как долго придётся ждать на этот раз, он не знал.

Прошло ещё какое-то время неопределённости и ожидания с обидой в душе на себя за ошибки молодости и своё легкомыслие, так опрометчиво и бездумно доверить себя армии сразу же после школы, что привело к угрозе потери московской прописки и вынужденному бомжеванию.

На лице у сестры всё чаще и чаще стал замечать раздражение из-за моего затянувшегося устройства и неопределённости положения.

Она исправно кормила меня на свою скромную пенсию учительницы средней школы, ибо те 500 рублей, которые мне выдали в части перед увольнением из армии давно уже израсходовались на продукты и разную мелочёвку и теперь приходилось укладываться в скромный доход сестры, что пока получалось, ибо вредных привычек у меня не было, поэтому и деньги на карманные расходы мне почти не требовались. Я каждый день выходил на прогулки возле дома, ездил в центр, бродил по московским центральным улицам и площадям, наслаждаясь Москвой, её воздухом, белыми лицами москвичей и русской речью после долгой службы в Средней Азии.

Приехал из Индии в отпуск сын Эльвины, мой племянник Коля, сразу же заявивший при многозначателном молчании его матери, что пора мне и честь знать. Либо искать частную квартиру с пропиской, либо убираться восвояси в свой родной Самарканд, где имеются положенные мне метры жилплощади. Я был ошеломлён его заявлением: ему-то зачем ссориться со мной, если он находится в долгосрочной командировке в Индии вместе со своей семьёй, имея не только трёхкомнатную квартиру в Олимпийской деревне, но ещё и пустующую квартиру жены в на Профсоюзной улице? Столько возможностей, а я живу один, без семьи и занимаю место в квартире своей матери, умершей 6 лет назад, а значит с правом размещения на нём если не всей своей семьи, то своего личного хотя бы тела. Ведь я на законных основаниях вернулся после долгой службы на родину в Москву, в которой до армии имел квадратные метры. К тому же с моим вынужденным иждивенчеством мы с его матерью договорились, что решим вопрос, когда я стану получать пенсию, начну работать, или при дележе наследства. По-другому этот вопрос не решается. Без прописки меня никто не возьмёт на работу и пенсию я получать не буду. Забегая вперёд сообщу, что в марте 1991 года, когда я получил квартиру и устроился уже в Москве с семьёй, Эльвина в счёт задолженности за трёхмесячное проживание у неё в квартире оставила себе единственную ценную вещь из завещанного мне мамой наследства - брошь с бриллиантами, стоимостью в 10 тысяч долларов США (я об этой цене узнал, когда работал в Музее Кремля), подаренной маме родственником из Португалии, женатом на сестре нашей бабушки Ольги Бороздиной, вышедшей замуж за португальского инженера Энрико Фарро, работавшего по контракту в России и увёзшего мамину тётю и кое-кого из нашей родни в 20-х годах в Португалию. В 1974 году сестра моей мамы тётя Женя Калабина через «Красный Крест» нашла адрес этого инженера, слетала к нему (сестры бабушки давно уже не было в живых) и привезла этот подарок от Фарро моей маме. Ну, да Бог с ней, с этой брошью! Если б не помощь Эльвины, не известно ещё, как бы сложилось наше с Верой и Яником устройство в Москве.

А тогда обидно было до глубины души прочувствовать на себе кем-то сказанные слова «родни много, а родных мало». Досадно было слышать эти слова от Коли, с которым нянчился в детстве, привозил в отпуск из Чехословакии и из мест службы ему разные безделушки, играл в разные

игры, маме и Эльвине привозил кое-что из модной одежды. Когда всем своим благополучием Коля обязан моему отцу, отчиму его матери, содержащему с 11-летнего возраста до окончания института его мать Эльвину после того, как моя мама с ней приехали к отцу в Москву с Украины в 1936 году после смерти их мужа и отца Тукса Альфреда. И жившей с моим отцом, давшей Эльвине путёвку в жизнь, на Девичке вместе с двумя моими братьями и мной, когда Коли ещё и на свете не было (отец умер в 1957 году, а Коля родился в 1958-ом). Жили вшестером в трёх комнатах с шотландской овчаркой Джоем, кошкой Машкой и её котятами, черепахами, ежами, рыбками в аквариуме и другой живностью. Квартира была наполнена любовью и вниманием ко всему живому и друг к другу. Никто никого не выгонял на улицу и не упрекал проживанием, никто никому не предъявлял счёт за проживание.

Тем более, когда моя сводная сестра жила одна в большой трёхкомнатной квартире, пока Коля с семьёй находился в Индии (он работал в советском посольстве в Дели переводчиком). А я не сидел без дела, помогал Эльвине по дому, ходил в магазины за продуктами, чинил разные домашние вещи.

Есть пример, когда мой отец в 30-х годах ничего не имел против прописки в своей квартире сестры мамы, тётя Жени, тогда по первому мужу Музыко, которая, разведясь с мужем, приехала из Горького в Москву и поселилась у отца с мамой, оставив сына Васю у бывшего мужа в городе Горьком. Отец обеспечил тёте кров в своей двухкомнатной квартире общежития Академии Фрунзе, и они стали москвичами, хотя к столице никакого отношения не имели, ибо до Горького жили с моей мамой и Эльвиной в Кировограде Украины.

К тому же при переезде из квартиры в переулке Хользунова в квартиру на Севастопольском проспекте в 1964 году я как указанный в старом ордере на жильё перекочевал и в ордер предоставленной им четырёхкомнатной квартиры на Севастопольском проспекте (в то время я учился уже на втором курсе Коломенского артиллерийского училища), иначе б они втроём получили трёхкомнатную по новому местожительству. Благодаря чему при переезде в Олимпийскую деревню в 1981 году они смогли обменять 4 комнаты на Севастопольском проспекте на 3 в Олимпийской деревне. В противном случае они бы жили сейчас в двух комнатах. Поэтому мама мне всегда говорила, что одна комната у них моя.

Тогда, не сказав Коле ни слова на его ультиматум (у меня тогда от такого заявления племянника все аргументы в свою защиту вылетели из головы), я молча вышел из дома, доехал до центра с невесёлыми мыслями. Бродил по улицам, погружённый в свои невесёлые думы. И какая-то сила привела меня на Ленинский проспект, к стенам церкви Ивана Воина на Якиманке. Прочитав на фасаде храма историю его создания, зашёл внутрь и поразился великолепию и торжественной нарядности иконостасов, стен и окон.

На основе всего прочитанного у меня сформировалось своё отношение к Богу и вере, ибо по словам Апостола Павла: «Сколько людей, столько и дорог к Богу», - одну из которых можно начать с того, что если имеется налицо творение и его наблюдатель, то наверняка должен быть и творец, создавший тленное тело человека и вдохнувшего в него душу. Ибо, выражаясь словами Марка Твена, «Бог устал от одиночества в пустой вселенной и создал жизнь», наверное, также и ради созданного Им разумного человека с наделением ему неограниченных полномочий, чтобы этот царь природы имел возможность работать над благоустройством мира, а равно и над своим телом и своей душой, как скульптор на радость в первую очередь самому себе. Причём, устроил всё так, что реки – не пьют свою воду, деревья не едят свои плоды, солнце не светит само себе, цветы не пахнут сами для себя. Жизнь для других – закон природы. Мы все рождены, чтобы помогать друг другу. Жизнь прекрасна, когда ты счастлив, но ещё лучше, когда счастливы другие благодаря тебе. Для чего Бог сделал человека венцом своего творения и в то же время его разрушителем знает только Он сам. При этом атеистическая случайность с её выпавшими на костях подряд бесконечным числом раз шестёрками в материальном мире исключена, ибо вселенная как физическое явление на основании нашего опыта вряд ли способна разумно сама организовываться и существовать без постоянного участия первопричины. Как земля без солнца, радиоприёмник без радиостанции, небо без звёзд, так и человек без духовной подпитки извне нашего трёхмерного временного пространства не может поддерживать своё существование в этой вселенской сказке без объясняющего всё мифа, вдохновившего Шопенгауэра на его знаменитое высказывание: «Единственное доказательство Бога – это искусство». Как проявление высшей свободы людьми в чём угодно: на футбольном поле, в любом другом виде спорта, на арене цирка, на сцене театра, в космическом корабле, в гончарной мастерской и т.д., ибо люди в любом деле приобретают свойства Творца. Потому что духовность и реальность – две стороны одной медали бытия. Поэтому о Боге можно ещё рассуждать как о явлении культуры, но я склонен понимать его и как нечто непостижимое, всеобъемлющее, участвующее в жизни людей и развитии мира.

Из хаоса, снежного бурана или смерча не может возникнуть что-то путное, технически сложное, а тем более мыслящее. «Взрыв в типографии, по словам Чарльза Дарвина, не создаст словарь». А коль человек познаёт логические законы построения физики, химии, математики и других наук с пользой для себя, значит, «он создан по образу и подобию своего Творца» ((Послание к колоссянам, 1:15) или к тому, кто эти законы создал», установившему всю эту гармонию в подвластном ему царстве Божиим вокруг и внутри нас, познать который за микроскопический отрезок разумной жизни невозможно. Как невозможно компьютеру познать свою программу, огню научиться сжигать самого себя или человеку сделаться бессмертным в материальном мире вопреки здравому смыслу и законам эволюции. Ибо «человеческий ум»,

по мнению Альберта Эйнштейна, «не может понять Вселенную, как маленький ребёнок не понимает устройства автомобиля». Которому остаётся только одно – верить в своих родителей, являющихся первопричиной его самого, и к которым, как и к Богу всей своей жизнью стремится человек для возврата утраченного после кончины родителей блаженства и счастья. Если, конечно, эти родители не производные от дьявола.

И, если художнику за приобретение его картин (кстати, вот наглядный пример того, как из ничего создаётся материальное по осязанию и духовное по содержанию) или просмотр мы платим деньги, чтобы он существовал, содержа свои творения в достойном виде, периодически обновляя их красками и создавая новые. То Богу за все его скульптурные красочные и гениальные раскраски вселенной мы должны платить как минимум соблюдением нравственных устоев, церковных канонов и дополненными нами на их основе законов и правил общежития. Это всё равно, что смотреть на мир двумя глазами: науки и веры, которая опять же по словам Апостола Павла есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (к Евр. 11:1), то есть уверенность в невидимом, как бы в видимом, и уверенность в желаемом и ожидаемом, как в настоящем. Благодаря чему вся наша жизнь приобретает смысл не столько для того, чтобы на земле установился рай, а чтобы не было на ней ада, при котором торжествует зло и теряется смысл всего нашего бытия с его первоначальным источником любви и справедливости. При этом опыт пока утверждает, что человек – единственное на Земле разумное существо с точки зрения человека, хотя, возможно, где-то во вселенной существуют другие формы разумной жизни, которые могут относиться к нам, как к муравьям, не контактирующим с ними, или представителям другого животного мира, не понимающим нас в разумном представлении этого непонимания, и не желающие, судя по всему, становиться людьми, как и мы всеми их видами. Поэтому почему бы не предположить, что Земля как живой организм со всей её фауной и флорой – модель в миниатюре устройства всей вселенной, тоже живого организма, где мы с присущей только нам способностью мыслить именно так, а не по-другому, одни во вселенной? С установившейся на Земле иерархией и подчинённостью одного другому, что дало повод писателю Достоевскому в романе «Бесы» словами капитана, который рассуждал в компании офицеров об атеизме, вдруг воскликнуть: «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан!?».

Возможно жизнь настолько разнообразна, что не надо быть человеком, чтобы познавать и изменять окружающий мир. Поэтому имеем ли мы право на своё господство на Земле, выдавая себя за хозяев всех её континентов и морей, если мы больше разрушаем, чем создаём что-то путное для окружающей среды. Особенно это касается России, в которой рубить тайгу выгодно, а тушить не выгодно; латать плохие дороги выгодно, а строить прочные не выгодно; хоронить людей выгодно, а лечить не выгодно. И так везде и во всём. На основании чего можно предположить, что в противовес разуму

созидающему, существует и разум разрушающий. Благодаря которому мы можем безнаказанно распорядиться судьбой всего животного мира, брать ответственность за его будущее, как в сатирической книге Мартти Ларни «Четвёртый позвонок». Где одним из персонажей является профессор психологии Борисе Минвенген, которого выгнали из университета США за то, что он стал утверждать, что «формулировка биологов: «человек и стоящие ниже его животные» - не объективна, поскольку классификацию производил человек».

Затронутую мной тему «Человек во вселенной» можно развивать и развивать, но, как мне думается, без божественного вмешательства во всё сущее она теряет свой глубинный сакральный смысл в значении всей жизни на планете. И, когда исчезает этот смысл, исчезает интерес к самим себе, ко всем своим делам, появляется равнодушие, которое способно порождать зло. И в этом я вижу смысл противостояния Божественного Духа дьявольскому разрушению, несмотря на то, что никакие идеи не решают загадки опыта человечества, которое не исключено, что просто наделило некое гипотетическое всемогущее существо во вселенной или одного из его иерархов человеческими качествами. Но на то и вера, чтобы верить и надеяться на что-то, чем тупо что-либо отрицать при решении неразрешимой вселенской задачи о курице и яйце, что из них появилось на свет раньше, сначала дух, а потом материя или сначала материя, а потом уже дух?

И если Бог создал человека свободным в выборе между добром и злом для того, чтобы он был счастлив, ощущая жизнь во всей её полноте, то Библия изначально приобрела смысл божественного откровения, предназначенного не столько для людей от науки с их постоянным скепсисом и любопытством на основе логических построений увиденного как движителями нашего «корабля воображения». Сколько для основной массы населения простых людей, не искушённых образованием и достойным воспитанием. Ибо из подавляющего большинства этой семимиллиардной разношёрстной публики в большей степени исходит опасность разрушения установившегося всего миропорядка. И пусть в их воображении Бог предстаёт в виде приятного вида седовласого старичка с бородой, живущего на небе. Ибо в итоге всё сводится к тому, что если Бог вездесущ – значит, у него есть ноги. Если он всё видит – значит, у него есть глаза. Если он всё слышит – значит, у него есть уши. Если он создал Вселенную – значит, у него есть руки. Если он всё знает и переживает за нас – значит, у него есть голова с центральной нервной системой. И если Бог создал человека по своему образу и подобию, то можно представить Всевышнего в таком упрощённом виде как символ добра, мудрости и справедливости, одаривающего человека не тем, что он хочет, а тем, что человеку нужно для жизни.

Такой аллегорический подход, я думаю, можно распространить и на многие образы Библии с её метафорами и поучениями наравне с существовавшими в ней реально историческими персонажами. Ведь в конечном итоге вся европейская цивилизация является производной от Библии. Как и все

остальные жизнеспособные земные цивилизации в основе своей имеют свои священные писания, основанные на добре, справедливости и житейской мудрости. Народы же, не придерживающиеся божественных откровений или не принявшие их за основу всего своего существования, живут в нищете и невежестве. Пример – атеистический СССР, развалившийся в начале 90-х годов после того, как большевики разрушили почти все церкви.

По Джозефу Сейферту (ректор Международной академии философии в Лихтенштейне): «Бог – это бесконечно совершенное существо и причина всего сущего». По Льву Николаевичу Толстому «...неограниченное всё человеческого ограниченного». И если люди задаются вопросом: почему он невидим для всех живущих на Земле? Да, хотя бы потому что он без недостатков.

Есть много других определений и все они сводятся к одному – представить кого-то совершеннее Бога и познать всю глубину его замысла во вселенной невозможно. В этой связи не могу не процитировать цитату моего любимого писателя Венедикта Ерофеева из его поэмы «Москва – Петушки»: «Он, Бог, непостижим уму, следовательно, он есть».

Поэтому вера во Всевышнего, которая без мысли мертва, скорее, психологическое понятие, чем физическое, (очевидно, именно поэтому Шопенгауэр отнёс философию не к науке, а к искусству). Ибо невозможно научными методами доказать существование того, кто находится вне пространства и времени, а равно и опровергнуть его существование на основе наших скудных знаний и существующего лишь в нашем воображении, этаким ветхозаветном ковчеге. Сколько философов – столько и различных мнений. И вера в эту таинственную субстанцию приобретает смысл как не укладывающаяся в наше отягощённое материей сознание в виде надежды на бессмертие своей постоянно молодой души за порогом жизни или за пределами восприятия наших чувств, где возможно по Эйнштейну «скрываются миры, о которых мы не подозреваем». Это бессмертие в земном соединении с материей можно объяснить духовным родством с самим Создателем, благословившим нас для добра и справедливости. А значит в помощь для обустройства окружающего нас мира в противовес разрушению и во имя ему только одному известной цели. И, как подсказывает наш опыт, человек, нашедший Бога на земле, сам хозяин своей судьбы («везёт тому, кто везёт»). И может рассчитывать на помощь от него в своей жизни, проявляющейся набело, без черновиков и шпаргалок, на основании указанных им в Библии канонов и примеров. С реальной надеждой на дальнейшее духовное совершенствование всех его сыновей. И неотвратимым разбором поступков и действий на Судном дне за прожитую жизнь уже после того, как здравый разум окончательно перестанет быть рабом нашего дряхлеющего тела. Как это будет выглядеть – одному Богу известно.

В противном случае земное поведение человека и назначение всего им созданного теряет свой смысл, ибо если не было бы пугающего и

мучительного таинства исчезновения в никуда, то человек не знал бы, что живёт, а значит, не было бы разумной жизни и совершенства всего окружающего мира. Ведь благодаря только вере человек освобождается из sklepa земного бытия для полёта в высотах добра и справедливости. А цитируя слова Конфуция: «Что мы можем говорить о смерти, если не знаем, что такое жизнь», - значит, все мы, подвергая сомнению все наши атеистические и теологические противоположности, оставляем для себя одну только Веру в конечное соединение с началом всех начал как заложенную с самого нашего рождения самим Началом. Но уже без оков физической материи и с чувством выполненного долга или с тяжестью неправедных земных деяний для воздаяния по заслугам. Ибо представить себе всю окружающую нас материю без духовного пространства и нашей в ней составляющей мы не можем. Зная только, что чем загадочнее для нас пространство, тем завораживающе ценнее ощущение в нём себя. В противном случае, зачем тогда согревающее своими лучами солнце даёт нам жизнь и разгоняет для нас каждый день тьму, эту передышку перед новым таинством следующего дня как подарком судьбы? Не является ли это для всех нас знаменем свыше и надеждой на справедливость по нашим деяниям на путях праведных в другой, более устроенной жизни? Которую наверно имел в виду один из самых уважаемых греческих старцев и духовных лидеров греческого народа 20-го века монах Афонской горы, известный своей подвижнической жизнью, духовными наставлениями и пророчествами ПАИСИЙ СВЯТОГОРЕЦ, широко почитаемый не только в Греции, но и в России в том числе и своим высказыванием: «Я бы сошёл с ума от несправедливости этого мира, если бы не знал, что последнее слово останется за ГОСПОДОМ БОГОМ».

Зайдя внутрь храма, я тут же вспомнил недавно прочитанные слова Родена «Художник должен высечь искру, а потом сгореть в огне своего творения». Я бы сказал по-другому: не сгореть, а раствориться в своём творении, о чём убедительнейшим образом сияло всё убранство храма, сверкающее в золоте и ярких красках образов. Вспомнил что до сих пор не крещён по церковному обряду и спросил у служителей церкви, можно ли у них покреститься и обязательно ли при этом обряде присутствие крёстных родителей. В ответ услышал, что креститься можно хоть завтра и присутствие крёстных отца и матери необязательно. На следующий же день в указанное время был опять в этой церкви, в которой ещё с одним мужчиной и одной женщиной принял обряд крещения, отстояв по совету служительницы натошак на следующий день всю утреннюю службу. Так непосредственно возле иконы Николая Чудотворца, висевшей до 1918 года в Никольской башне Кремля и чудом сохранившейся после варварского гонения на всё церковное, я из Ольгерда превратился в православного Олега, приобретя двух своих небесных покровителей. Николай Чудотворец, помимо Олега, тоже, видимо, обратил на меня тогда внимание, ибо его ипостась на иконе, связанная самым непосредственным образом с историей Кремля,

видимо, каким-то образом через 4 года после обряда моего крещения повлияла на моё трудоустройство на Боровицком холме в должности начальника отдела охраны, режима и музейных смотрителей Государственного историко-культурного музея - заповедника «Московский Кремль». Самого известного музея в стране, в котором я проработал 8 лет, 6 с половиной из которых пришлось на руководство самым многочисленным его отделом с коллективом в 120 человек. Конечно, при непосредственном содействии в этом вопросе его Директора, Ирины Александровны Родимцевой, с которой меня связывает давнее знакомство в результате дружбы в прошлом наших незабвенных родителей. Но, как говорится, «пути Господни неисповедимы» и любая случайность является результатом созданной Богом диалектики как законов развития материального мира, а значит всех наших действий и поступков со всеми встречающимися на их пути совпадениями и неожиданностями. И чем больше унижен человек в обществе и смирен в своих поступках, тем приятнее и чаще для него все эти закономерные неожиданности и случайности.

Крестился я 3 сентября 1990 года, а 4-го днём после службы в церкви мне позвонили из отдела распределения жилья, и приятный женский голос пригласил к ним явиться за двумя смотровыми ордерами на квартиру. Всё во мне запело и заликовало. Ибо Бог услышал мои молитвы, и всё восприятие мира с его преимущественно доселе чёрно-белыми тонами преобразилось и заиграло в моей душе невиданными доселе красками и узорами. Тут и у Эльвины лицо при таком известии в миг преобразилось, стало добрым и красивым. Я тут же помчался со всех ног за ордерами на улицу Тимура Фрунзе, искренне поверив, что Бог всё же несмотря ни на что существует, если не даёт в обиду своих новоиспечённых рабов Божьих после их посвящения в церковные таинства.

Один ордер оказался в Марьино в 17-этажный дом на улице Перерве в квартиру на 16-ом этаже. Второй – в Ново-Переделкине Солнцевского района, тоже в 17-этажный дом, по улице Лукинской, в квартиру на последнем этаже.

В конце концов, я остановил свой выбор на квартире в доме в Ново-Переделкине, узнав от жителей Марьино о тяжёлой экологической обстановке в их районе, - один только нефтеперерабатывающий завод с вечно горящим факелом чего стоит, - и явился снова на улицу Тимура Фрунзе, указав на выбранный ордер. У меня тут же их забрали, заявив, что получу один из них только после того, как представлю им в отдел справку о сдаче жилья в Самарканде.

Я, не медля ни минуты тут же полетел на самолёте в Самарканд за этой справкой, предчувствуя в душе сложности с получением её, ибо наверняка с меня потребуют освобождения жилплощади. А дом в Москве, в который нам с Верой и Яником предстояло вселиться, находился ещё в стадии отделочных работ. А о том, чтобы везти всю свою семью к Эльвине с Колей в квартиру,

не могло быть и речи. К тому же никто не знал, когда начнётся вселение жильцов в этот дом на Лукинской.

В Самарканде мои опасения подтвердились, т.к. начальник ЖЭКа военного городка Дальнего лагеря сначала наотрез отказался выдавать мне такую справку, требуя, как я и предполагал, освобождения всей квартиры.

Пришлось подкреплять свою просьбу подарками – набором коньячных напитков и коробки шоколадных конфет, являвшихся в то время дефицитом. В результате вскоре я уже имел на руках вожделённую справку, подкреплённую моим клятвенным обещанием в течение одной-двух недель освободить квартиру и покинуть военный городок. Да простит меня Бог за эту явно невыполнимую задачу. Но у меня не было тогда другого выхода.

Появились опасения и и при выписке из Самарканда жены и сына в паспортном столе милиции. Где вместо фамилии Жемайтис написали Жимайтис, на что я обратил внимание слишком поздно. И у меня на основе моего житейского опыта, - ибо можно было вполне обоснованно допустить, что речь в справке идёт о другом человеке, - появились определённые опасения, что чиновники в Москве из-за этой оплошности самаркандских милиционеров опять заартачатся и мне снова придётся лететь в Самарканд для исправления этой описки. К счастью всё обошлось и должностные лица оказались не такими буквоедами, как я их себе представлял.

Наконец, все формальности были соблюдены и я, попрощавшись со своими близкими. С надеждой на скорый уже переезд всех в Москву, с паспортом жены, метрикой сына и с необходимыми для этого справками полетел назад в столицу.

На все эти полёты туда и обратно сестра ссудила меня деньгами из своих неприкосновенных запасов в счёт предстоящего раздела имущества, принадлежащего нам с ней по наследству. Ибо все пособия и деньги, выданные мне перед увольнением из армии, уже давно закончились. Как и все мои пенсионные запасы, скопившиеся за долгие месяцы бомжевания после армии из-за растущей с каждым днём дороговизны. Хорошо хоть ещё здоровье осталось, чтобы мне и жене куда-нибудь устроиться работать и тем самым зарабатывать деньги на ухудшающуюся с каждым днём жизнь. А то бы вообще трудно было.

Прилетев из Самарканда в Москву, я на следующий же день отправился на улицу Тимура Фрунзе,³ за выбранным ордером. К моему удивлению после представленных всех справок мне его выдали. Я даже немного обиделся в душе, ибо привык получать в основном одни только отказы. А теперь перед самым финишем и - никаких проблем.

Но проблемы всё же не заставили себя долго ждать. Оказалось, чтобы стать уже фактическим обладателем двух комнат общей площадью в 54,3 квадратных метров и прописки на ней всего семейства, для отделения милиции нужна была справка из Солнцевского райвоенкомата о том, что я как офицер запаса нахожусь на воинском учёте. А работники Солнцевского РВК мне такую справку дать не могли, ибо не имели моего личного дела,

находившегося всё ещё в Ленинском райвоенкомате, по месту моего призыва. А я работникам этого военкомата, видимо, так понравился, что они ну никак не хотели расставаться со мной и с моим личным делом, несмотря на все мои неоднократные просьбы. Пришлось опять идти к Военкому Москвы на приём, т.к. я очень боялся, что давно уже прошли две недели после моего отъезда из Самарканда и моих жену и сына просто выкинут силой на улицу. Ибо жена уже неоднократно звонила и говорила об этих угрозах со стороны начальника ЖЭКа и новых жильцов, которым предназначалась наша квартира. Я посоветовал жене (ибо как в анекдоте, у нас страна советов, а не баранов) записаться на приём к начальнику гарнизона, обрисовать ему ситуацию и попросить разрешить пожить ещё какое-то время в квартире до заселения жильцами всего дома по нашему новому московскому месту жительства. Что она вскоре сделала, и угрозы прекратились.

В общем, с помощью Горвоенкома Москвы (опять пришлось идти на приём) моё личное дело вскоре оказалось в архиве Солнцевского РВК и наступил наконец-то, пожалуй, ещё один самый счастливый день в моей жизни – день получения паспорта с московской пропиской и таких же документов с правом на московское жильё моих жены и сына. Вспомнился один анекдот. «Собрались как-то вместе англичанин, француз и русский и стали рассуждать о счастье. Англичанин говорит: счастье – это когда ты сидишь дома у тёплого камина с бокалом виски в руке и накрывшись любимым пледом. Француз: счастье – это когда ты сидишь в ресторане с бокалом «бордо» в руке и рядом с тобой красивая женщина. Русский: счастье – это когда ты приходишь домой после работы, а тебя в однокомнатной тесной квартире коммуналки встречают жена и шестеро детишек, мал-мала меньше, и ты счастлив от сознания, что у тебя московская прописка».

Видя моё счастливое московско-прописное выражение лица, сотрудницы милиции поздравили меня и от души пожелали успехов в жизни. Жаль, что я тогда не предусмотрел сделать им какой-нибудь подарок в виде коробки конфет или бутылки коньяка. В моей жизни это был уже второй паспорт. Первый я получил в 1960 году, когда мне исполнилось 16 лет, и который офицеры военкомата перед отправкой на сдачу экзаменов в Коломну в 1963 году у меня забрали, и больше я его не видел. В училище мне его заменял военный билет, а после его окончания – удостоверение личности офицера с металлическим жетоном и личным номером на нём. А когда Бабынин потребовал у меня доказательства московской прописки, я сунулся было в военкомат на 3-й Фрунзенской за своим паспортом с московской пропиской, но мне сказали, что он давно уже уничтожен. Как уничтожили вскоре после сдачи и моё удостоверение личности офицера в Солнцевском РВК с печатью полевой почты части на территории Афганистана на одном его листе о закреплении за мной личного оружия. В результате чего я долго не мог хотя бы косвенно доказать военным чиновникам свою командировку в Афганистан в 1986 году, чтобы получать существенную добавку к пенсии и

положенные льготы за участие в боевой операции в соответствии с Указом Президента РФ за 1993 год.

Дом № 9 по улице Лукинской, в одной из квартир которого мне предстояло жить, всё ещё находился в стадии отделочных работ. Хотя, как я узнал, несколько семей, не дожидаясь подключения коммуникаций, уже жили в нём. Видел и разговаривал с людьми, приезжавшими посмотреть своё новое жилище в этом доме при расселении жильцов какой-нибудь старой постройки в центре Москвы. Увидев грязь по колено, полуразрушенную церквушку с заброшенным погостом и два деревянных дома, оставшихся от недавно снесённого села Федосьино, все они воротили носы и заявляли, что ни за что не согласятся сюда переезжать. Для меня же этот дом на самой окраине Москвы являлся раем с относительно чистым воздухом и водой. И, самое главное, позволял теперь периодически бродить по знакомым улицам и площадям столицы, вспоминая своё беззаботное детство и юношество, как в самой Москве, так и на любимом мной и родном Девичьем поле, где я родился и вырос, и где похоронены мои родители. А, значит, наполняться силами для дальнейшего выживания в нелёгкое для всех россиян время. Тут же вспомнились офицеры и их семьи в Ашхабаде, Самарканде, Термезе и в других городах Средней Азии, в том числе и москвичи и ленинградцы, не пожелавшие бороться за своё место под солнцем в России и в её центральных районах. Так и оставшихся по местам своих последних мест служб. Где они все сейчас? Знаю только от своих друзей, что все военные городки, где они жили, стали теперь либо туркменскими, либо узбекскими и почти ни одного русского в них уже нет? Многие из них ведь считали, что чем возвращаться в голодную и убогую Россию, лучше уж остаться в хлебных, солнечных и фруктовых районах Туркестана. И в этом они были правы. Ибо по опыту многочисленных командировок убедился, что жизнь в Средней Азии была менее трудной, чем где-нибудь в Самаре и её глубинках или даже в центральных полуголодных районах России. Аксакалы Ашхабада, столицы Туркмении, которая в начале 70-х годов снабжалась продуктами питания наравне с Москвой и Ленинградом, ворчали, когда к ним в республику приезжали гости из России на среднем или самом высоком уровне: «Приехали к нам, чтобы нажраться досыта и уехать к себе домой, прихватив с собой сумки с продуктами». И в чём-то они, избалованные советской властью, были правы.

Я удивлялся, когда находился в командировке в Афганистане. В наших республиках Средней Азии – заводы и фабрики, железные и шоссейные дороги, линии электропередачи, ВУЗы, школы и техникумы, театры и кинотеатры, детские сады и ясли, пенсионное обеспечение населения, регулярная и довольно приличная зарплата рабочих и служащих. Не обливаются потом и не слепнут со временем от ношения паранджи женщины, и все они могут учиться и сами зарабатывать деньги. Никто не заставляет их носить хиджабы. Можно продолжать и продолжать. В аграрном Афганистане ничего из перечисленного не было никогда и нет в

помине. И тем не менее сегодня во всех бывших советских республиках Средней Азии русских считают оккупантами, принёсшими в их страну разруху и нищету. Отказываются от азбучной кириллицы, упраздняют русские театры и клубную работу, изменяют фамилии, убирая из своих паспортов их окончания «ов» или «ова». Переписывают историю, переименовывают улицы и площади городов, вводят законы шариата, многожёнство и т.д. Вот что значит раздавать по пьянке богатства России с неизменными при этом русскими словами «ты меня уважаешь?» и похмельным, тяжёлым пробуждением на следующий день.

Новый, 1991-й год встречали вдвоём с Эльвиной у экрана телевизора. Сразу же после новогодних праздников мне вручили ключи от квартиры. Дом № 9 по улице Лукинской стал заселяться жильцами, ибо все отделочные работы закончились и коммуникации с водоснабжением и электроэнергией были подключены. Пришлось в срочном порядке заняться ликвидацией всех огрехов строителей и кое-какими отделочными работами. Красить полы, устанавливать новые выключатели с утоплением проводов, менять сантехнику и др. Вскоре, а именно 14 января 1991 года я наконец вылетел на самолёте в Самарканд за семьёй, где прожил две недели, используя каждый день своего пребывания на земле знаменитого на весь мир Самарканда, чтобы напоследок как можно больше узнать его историю и прикоснуться к памятникам его средневековой архитектуры. Что за 10 лет своей службы в нём мне не удалось в достаточной степени осуществить по причине занятости на службе и лени. Дабы до конца своих дней в своей памяти запечатлеть напоследок город с 2500-летней историей. Город знаменитого завоевателя Тимура Тамерлана, его внука, учёного и правителя Улугбека. Бабура, покорившего Индию. Город с его знаменитыми на весь мир мавзолеем Тимура Тамерлана, Гур Эмир. Развалинами обсерватории Улугбека, Регистаном, развалинами дворца Биби Ханум, ансамблем Шахи Зинда и другими памятниками средневековой исламской культуры, дошедших до наших дней во всём их великолепии и величии прошедших мимо них столетий. Под стать городу и люди. Гостеприимные и простые. Хорошие кулинары, сапожники, портные и ремесленники. В городе наравне с узбеками проживали корейцы, выселенные с Дальнего Востока в конце 30-х годов; крымские татары, насильно переселённые в 1943 году из Крыма; бухарские евреи, татары, таджики, русские, украинцы и т.д. Только какая-то незначительная часть из их мусульманской среды после вывода наших войск из Афганистана с молчаливого одобрения руководства Уз ССР подняла голову и занялась откровенными провокациями против советских военнослужащих и русских. Резко увеличились оскорбления офицеров и членов их семей, ограбления их квартир и машин, разбойные нападения, замена на всех производствах русских специалистов на узбекских и т.д. Причём, сами же узбеки часто возмущались такими «революционными» нововведениями и старались всеми возможными способами противиться

этому процессу. Понимая, что в случае отделения республики от России их ждут далеко не лучшие времена.

В самаркандском военном городке «Дальний лагерь» сразу же по прилёте к семье я узнал, что по жилому городку ходят разные слухи о моём получении жилья в Москве. Надо сказать, что весь военный городок состоял из Самаркандского высшего военного командного автомобильного училища, бригады связи, школы прапорщиков и нашей 114-й мотострелковой дивизии кадра, и, естественно, жилых домов. Почти все жильцы жилого городка знали друг друга в лицо, обсуждали проблемы, делились впечатлениями, новостями и т.д. Не обошли они своим вниманием и меня, раба Божьего, получившего квартиру в самой столице СССР. Жена рассказывала, как однажды перед ней затормозил «уазик» с солдатиком-водителем за рулём, из машины вышла жена начальника политотдела Военного автомобильного училища (я с этим начальником несколько лет служил в 114-й МСД) и стала расспрашивать жену, как мне удалось получить московскую квартиру с пропиской. Жена ничего не смогла ей ответить и та, в раздражении хлопнув дверцей машины, уехала.

По городку поползли слухи, что я получил квартиру то ли за взятку, то ли за авторитет своего отца генерала, «Жемайтиса пять лет назад судили судом офицерской чести за пьянки (везёт же дуракам и пьяницам!), и вот он, литовец по национальности, когда все прибалты относятся враждебно к русским и русскоязычным, выгоняют их из своих квартир и даже избивают на улице, будет жить с семьёй в Москве, а мы, в основном русские через какое-то время окажемся у чёрта на куличках, ибо в Самарканде из-за растущего национализма узбеков жить становится с каждым днём труднее». Пришлось опять понервничать. А проснувшись как-то утром и включив телевизор, я вдруг узнал, что со вчерашнего дня на всей территории СССР отменяется хождение дензнаков достоинством 50 и 100 рублей. Как назло, все взятые со мной в дорогу купюры были именно этих номиналов. А впереди меня ждали большие расходы, связанные с перевозкой контейнера, с покупкой билетов на самолёт. Да, и нужно было ещё жить несколько дней в Самарканде. В военном городке Дальнего лагеря поднялась паника. Люди с утра осаждали сберкассу, в которой работала наша соседка по дому. С ней и её мужем мы даже дружили, отмечая вместе праздники и дни рождения. Эта соседка сделалась сразу же неприступной и глухой ко всем вопросам и просьбам. Хотя вряд ли и она в той ситуации могла что-нибудь объяснить и тем более чем-нибудь помочь. Но мир не без добрых людей. В Лифтостроительном заводе, где работала моя жена Вера, было много друзей, одолживших нам деньги на обратный путь и оказавших помощь в загрузке 3-тонного контейнера нашими вещами. Никогда не забуду помощь двух коллег Веры по работе, татар по национальности. Одного крымского Усеина, а другого казанского Шавката, с помощью которых мы благополучно загрузили вещи в контейнер и вылетели в Москву. Помогала нам также и подруга жены офицера (будущего полковника МЧС) из Бригады связи Галя

Давыдова. Из части, на территории которой я проходил службу, мой друг прапорщик Третьяк Володя выделил несколько солдат.

Перед самым отлётом из Самарканда директор школы, в которой учился мой сын, отказалась выдавать мне документы о его учёбе без справки о том, что я сдал квартиру в городке. Совсем не ожидая такого подвоха перед самым отлётом в Москву, я опять помчался в ЖЭК. Размышляя по дороге, чем теперь благодарить его начальника, ибо сувениров никаких нет, да и денег тоже кот наплакал. На рабочем месте начальника не оказалось, дело происходило уже во второй половине дня, завтра утром нужно было вылетать. Вернулся назад в школу, обрисовал ситуацию, показал копию московского ордера на квартиру, в котором значился мой сын, и директриса сдалась – отпустила меня с документами.

В Москве мы все втроём поселились на несколько дней у Эльвины, до прибытия контейнера с вещами. Почти одновременно с нами в Москву приехали Наташа с внучкой Женей.

Сразу же по приезде в Москву я обнаружил, что в нашей квартире на Лукинской похозяйничали воры, т.к. дверь квартиры оказалась взломанной, и я недосчитался нескольких своих вещей и некоторых предметов сантехники. Хорошо хоть воры догадались перекрыть воду в туалете, а то пришлось бы ещё отвечать и за потопление нижних этажей.

Вскоре пришли наши вещи из Самарканда, и мы всей семьёй переселились на Лукинскую.

Зять из Германии, Василий Босый, получил назначение в Кушку Туркмении, поэтому нам на первых порах пришлось жить впятером до отъезда Васи, с ним, Наташей и внучкой Женей. А после отъезда Васи вчетвером. Через несколько месяцев муж Наташи вернулся и забрал Наташу с Женей. И мы с Верой постепенно стали обустраивать квартиру, пригласив для этого моего старинного друга, тоже подполковника запаса, являвшегося также и другом моего давно умершего брата Фели, Толю Богданова. Который никому никогда не отказывал в разного рода работах по ремонту или отделке квартир и, причём, почти бесплатно. За свою большую работу брал только несколько бутылок водки и не более того. Он нам очень помог.

Устроившись в Москве, и разделив с сестрой по завещанию мамы небольшое наследство, я написал письмо дочери в Чехословакию с приглашением ко мне в Москву в гости. Она мне ответила, что принимает моё приглашение, и сообщила, что уже замужем на бывшем украинском гастарбайтере, и у меня имеются внучки Кристина и Божена. Завязалась переписка, начались телефонные переговоры. Через какое-то время она обратилась ко мне с просьбой помочь ей улучшить жилищные условия, для чего требуется 60 тысяч баксов... Пришлось разочаровать Соню, сообщив, что мой постоянный доход равен 100 долларам США в месяц и никаких сбережений, побочных доходов и счетов в швейцарском или другом каком заграничном банке я не имею. Больше никаких звонков не было, писем и открыток тоже. Видимо, по причине разочарования в моём статусе

советского подполковника, не позволяющем улучшить её условия жизни. Единственное, на что я оказался способен – это на выплату алиментов до её совершеннолетия, назначенных по решению чешского суда. А ведь я обязан ей так же, как и натерпелся из-за родства с ней. Были минусы, но были и плюсы, и, если б обладал средствами, конечно же, помог материально. Ведь именно благодаря ей вся моя жизнь после Чехословакии сложилась именно так, как я и не мечтал. После женитьбы на её маме меня как ненадёжного с точки зрения советской морали офицера и армейского диссидента направили в незаменимый Туркестанский военный округ, штат которого после ввода советских войск в Афганистан в 1979 году и создания на его основе 40-й воюющей армии, распух, как на дрожжах. Стала ощущаться нехватка специалистов, увеличились возможности для карьерного роста, мало кого увольняли из армии раньше времени. И если МВД и ФСБ после кончины лидера страны Константина Черненко в 1985 году подверглись повальному сокращению штатов, то чаша сия обходила стороной армию вплоть до 1989 года, когда я уже с марта этого года носил погоны подполковника, до вывода войск из Афганистана и затем из других стран Восточной Европы, а также Кубы и Монголии. Поступи я в военное училище не в 1963 году, а, допустим, в 1964-ом, выше капитана вряд ли бы дослужился. Помню, как в мае 1988 года я приехал в Ленинград для прохождения дальнейшей службы и явился за назначением в Штаб ЛенВО, где впервые в жизни столкнулся с безработицей офицеров, которых в армии к тому времени оказалось в избытке. Капитаны, майоры и т.д. с академическими поплавками на куртках ждали вакансий, живя в гостиницах и получая денежное содержание только за звание. Многих отправляли в вынужденный отпуск, бесперспективных младших офицеров с выслугой в 20 лет отправляли на гражданку на 30%-ную пенсию. И тем не менее не было повального увольнения офицеров из армии. Уже в то время армия, достигнув своего максимума в 6 миллионов человек личного состава, когда запорхали голуби мира и замаячил вывод советских войск из Афганистана, перестала расти численно, и много офицеров оказались лишними на этом празднике жизни. Мне тогда опять повезло, я получил назначение в 69-ю мотострелковую дивизию и через несколько дней убыл в Вологодский гарнизон, где благополучно в установленные сроки закончил службу.

Так, несмотря на приобретённые в Чехословакии заграничные родственные связи, порочащие меня как офицера Советской Армии с точки зрения негласных приказов и распоряжений по армии, в нужное время и нужном месте я попал в струю, и обрёл хоть и небольшой, но всё же вес в обществе. И верю, что не благодаря случаю, а людям, которые в силу своих должностных полномочий и доброго отношения ко мне увидели во мне грамотного исполнительного офицера и, вопреки наговорам врагов и недоброжелателей, помогли подняться по служебной лестнице. Спасибо им за это! А в получении московской квартиры я, конечно же, обязан в первую очередь Председателю Ленинского райисполкома Москвы Губко, который в

духе того бюрократического времени мог бы мне просто отказать в получении жилья, заявив, что ничем мне помочь не может, ибо у них миллионы стоят за поучением квадратных метров и посоветовал бы дожидаться подхода льготной очереди на квартиру в Москве или в Самарканде по месту проживания моей семьи. За внимание к моим и моей семье нуждам и проблемам искреннее, огромное спасибо ему! Никогда не забуду его записки, решивший в течение нескольких минут мой жилищный вопрос!

И, конечно же, всем своим счастливым окончанием службы я обязан Богу, который вот уже 46 лет хранит меня и всю мою семью от ударов судьбы и больших потрясений, одарив меня и мою жену «великой свободой старения». Поэтому спасибо Ему за всё, сделавшее меня счастливым, с пожеланиями: «Да святится имя ТВОЁ... да будет воля ТВОЯ и на земле, как на небе...!». И, вообще, пока человек не сдаётся, он сильнее своей судьбы! Я это проверил на себе.

17 сентября 2021 г

УВАЖАЕМЫЙ

Ольгерд Феликсович !

За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР объявляю благодарность. Желаю Вам доброго здоровья, успехов в общественно-политической и трудовой деятельности на благо нашей Родины.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ

генерал армии

Варенников В.

В.Варенников

30 . ноября 1989 г.

Поездка в дивизию Котовского, 1928 год. Из фотоальбома мамы

Отец середины 30-х годов

Отец с сыном от первого брака Станиславом, 30-е годы

Я с мамой, декабрь 1946г

Мой крёстный генерал-лейтенант НКВД Кривенко М.С.
с 1-й женой Евдокией и сыном Виктором, 1945 год

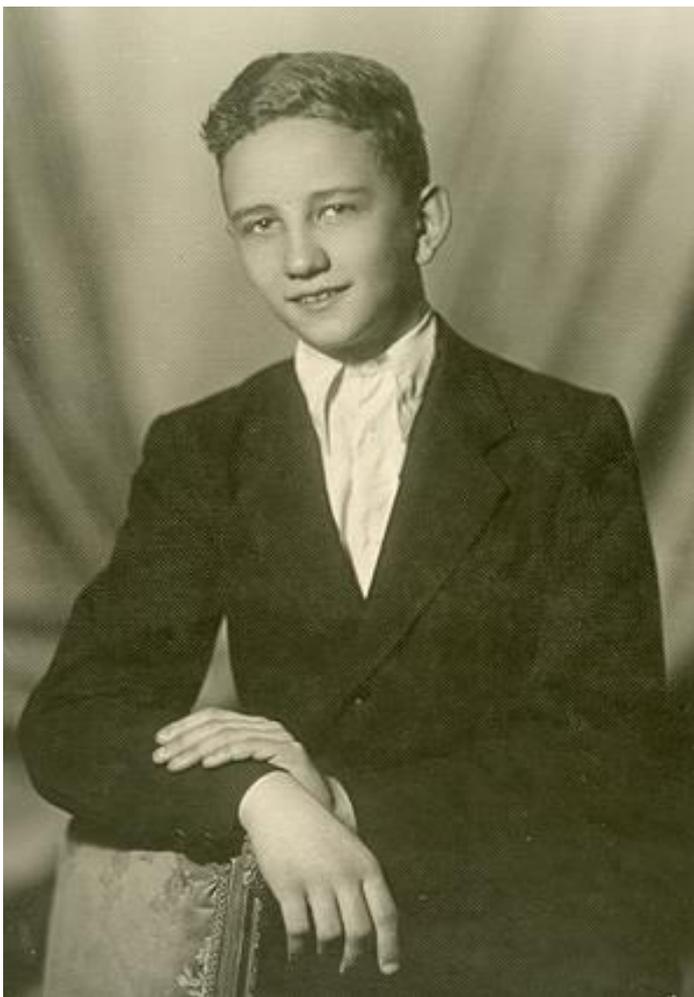
Крёстная Евгения Павловна Майская, 1945 г.

Мама с Е.П. Майской, 40-е годы

Феля, я и моя сводная сестра Эльвина,
1952 г

Мой брат Феликс в 1952

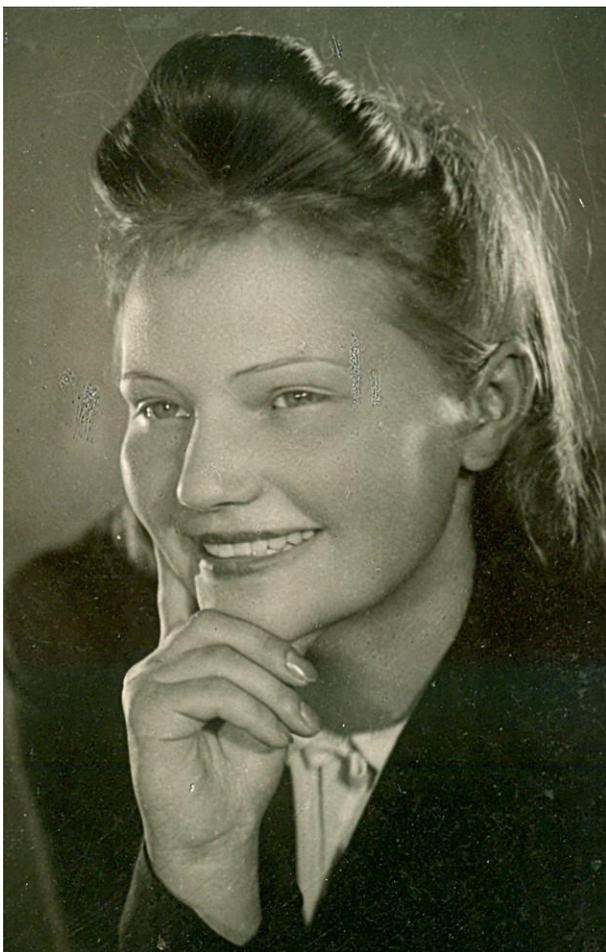
Отец, мама, я и Эльвина, нач. 50-х годов
Выезд на природу, когда у нас ещё дачи не было

Отец на рыбалке

Отец на рыбалке и охоте в Подмосковье, 50-е годы

Моя сводная сестра Эльвина Тукс,
40-е годы

Эльвина в 50-е годы

Эльвина Тукс, 60-е годы

На даче (ст. Трудовая), Эльвина, С.М. Козырев, Таня Калабина, мама, я и собака Джой, нач. 60-х годов

Дядя моего племянника Коли Озерова
Озеров Николай Николаевич, знаменитый
Спортивный комментатор. 60-е годы

Я с Колей Озеровым в 1962 г.

Август 1966 года. Я

Я с двоюродной сестрой Татьяной Калабиной, 1966 год

Эльвина с Верой в Самарканде, 80г

Москва, Севастопольский пр-т, 60-е годы. Слева направо: 1-я жена отца Ефросинья Ивановна Наседкина, мой кузен Саша Галевский, моя будущая тёща Анна

Фёдоровна Борисова, мама, моя кузина Таня Калабина, моя сестра Эльвина и будущий тесть Борис Исакович Борисов.

Я в это время служил в армии

Москва, Севастопольский пр-т, у мамы в гостях, слева направо: мой сводный брат Стас Жемайтис, сестра Эльвина, мама, Коля Озеров, генерал-полковник Родимцев А.И., тётя Женя Калабина, Юра Кухалашвили (муж кузины Тани), жена Родимцева, Екатерина Осиповна. 60-е годы.

Москва, ул. Маршала Тухачевского, 45, 1976 год, слева направо: тётя Женя Калабина, Эльвина, мама, я, Вера. на 50-летию у Стаса Жемайтиса.

Яник с бабушкой, моей мамой,
1980 год Москва, Севастопольский пр-т.

Москва, Севастопольский пр-т, 1980 г. Слева направо:
Стас Жемайтис (мой сводный брат), Коля Озеров,
мама, Вера с Яником и падчерица Наташа.

Коля Озеров, Наташа, Вера, 1980 год, Севаст. пр-т.

Смарканд, в кафе, Наташа, Яник и Вера
80-е годы

Самарканд, Вера, я и Яник, 80-е годы

Свадьба Коли Озерова и Оли, 1980 г.

Я в 1984 году

Губко Виктор Юрьевич
Председатель Исполкома
Ленинского района Москвы
(1990-1991 гг). Фото из Интернета

Наташа, Женя и я, 1990 г ЦПКиО, Москва

Москва, 1992 г, Вера, я и внучка Женья.

Вера дома, 1993 год

С соседкой Любой Киндюхиной, 1993 г.

На свадьбе у Киндюхиных, Андрей, Ира и я, 1993 год

Москва, Олимп. Деревня, 1995 г, 70-летие Эльвины. Слева направо: Ю.Н. Озеров, его сын Коля Озеров, Эльвина с внуком Стёпой, я, Оля Озерова, Коля Озеров (сын спортивногокомментатора Н.Н. Озерова, мой сын Янис

Москва, ул. Лукинская, 2003 год. Слева направо: Вера, муж Наташи Василий Босый, Эльвина и Наташа

Моя приёмная дочь Наталья Боса, 2003 год

Озеров Степан, 2003 год

Махотько Алёна и Эльвина у нас в гостях, 2003 год

Агой, 2006 год, Вера

Село Подгорное под Майкопом,
справа Вера 2006 год

Виктор Федосов и Янис, село
Подгорное под Майкопом
2006 год

Оля (дочь Любы золотарёвой), Люба Золотарёва (сводная Сестра Веры) и Вера, село Подгорное под Майкопом
2006 год

Янис, село Подгорное,
2006 год

Село Подгорное. На ступеньках возле школы
и памятника Пушкину. Вера и Люба,
2006 год

Янис с Надей

Я в 2016-ом году

